

18+

Елена Соколова

ПО КРОМКЕ ЗЛА

Елена Соколова

По кромке зла

«Издательские решения»

Соколова Е.

По кромке зла / Е. Соколова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-677467-4

«По кромке зла» — это первая часть романа «Сказки города Н.», опубликованного ранее одной книгой. Открыв её, вы попадаете в городок, где, кажется, нет и не бывает ничего интересного. Но добро и зло не зависят от географии, а верный путь часто ведёт во тьму. Брат и сестра Гольцы, Марк и Катя, играя в пиратов, ищут сокровища. Им помогает дочь соседей, Лида. И никто не знает, что Гольцы-родители так пытаются найти необычную вещь — жемчужину, по легенде, приносящую богатство и счастье нашедшему.

ISBN 978-5-00-677467-4

© Соколова Е.
© Издательские решения

Содержание

ПО КРОМКЕ ЗЛА	6
1. Лида и мир вокруг	6
2. Лида, Света, Ираида. Столкновения	17
3. Притяжение судьбы. Лёля и Аля. Вечер вдвоём	26
4. Лёля, Зоя, Глаша. Треугольник будущего	34
5. Зоя, Марк и Катя. Истории семьи	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

По кромке зла

Елена Соколова

Редактор Белисса Бурова

Корректор Наталия Соколова

Фотограф Елена фото обложки – фото август, 2013 Соколова

© Елена Соколова, 2026

© Елена фото обложки – фото август, 2013 Соколова, фотографии, 2026

ISBN 978-5-0067-7467-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПО КРОМКЕ ЗЛА («Сказки города Н.», часть первая)

«Когда придет твое время, Судьба сама разложит перед тобой инструменты, чтобы ты смог сделать с их помощью то, для чего нужен и предназначен ты и только ты один...»

Е.С., СПб., 02.01.2016

*Все персонажи и события в этой книге —
чистейший авторский вымысел.*

*Все совпадения – не более чем совпадения,
они произвольны и носят совершенно случайный характер.*

С уважением, Е. С.

1. Лида и мир вокруг

Она терпеть не могла праздники. Особенно – Новый Год. Сколько Лида себя помнила, его всегда отмечали по обязанности. Всё было дежурным: ёлка, мандарины, салаты, открытки от родственников и особенно – открытки родственникам. Когда в быт вошел интернет, вся семья вздохнула с облегчением и перестала заполнять яркие поздравительные картонки убористым почерком, втискивая в крошечное пространство максимум вежливых вопросов и новостей. Забытые адресаты незамедлительно откликнулись тем же. Связь оборвалась.

Подарки друг другу тоже дарили по необходимости, а не из желания порадовать – потому радости они и не вызывали. Став старше, она научилась баловать себя сама, без помощи окружающих, на которых, впрочем, в её понимании, не стоило полагаться даже и в менее ответственных случаях.

За твёрдый характер, несгибаемое упрямство и редкостное здравомыслие её уважали, но не любили. Боялись, надо полагать. Детская трепетная душа была запрятана так глубоко и надёжно, что даже сама Лида позабыла о её существовании.

Ей нравилось помогать другим. И как в детстве она приходила на выручку к тем, кто забывал вещи, уроки и нужные слова, так теперь старалась поддержать больных, уставших, тех, кто хотел, но не мог, или мог, но боялся. Нерешительных, отчаявшихся, брошенных. И только влюблённым она никогда не помогала. И советов не давала. И не выслушивала. И вообще – всю эту публику близко не подпускала.

Сердце у неё было – кремень. И влюблённые обходили её стороной, не задаваясь, даже чисто теоретически, вопросом, а знает ли она вообще, что такое любовь? И так было понятно, что нет, не знает. И даже без «вообще». Просто – не знает и всё.

На самом деле, она, конечно же, знала, но здравомыслие подсказывало, что если не сложилось, значит – не судьба, и тогда лучшее, что можно сделать, это молчать о неудачах и как можно реже ковыряться в ранах – и в своих, и в чужих.

Почему не складывалось – было неясно. Она была крупной и красивой. Яркой. Одевалась броско, много шила и вязала, сама придумывала фасоны и расцветки, пока бродила по окрестностям небольшого сонного городка на берегу залива, в котором прожила всю жизнь и откуда всё время порывалась уехать – безрезультатно, впрочем.

Город считался миллионником, но не производил серьёзного впечатления. Он был растянут по берегу залива длинной узкой дугой и только в одном месте глубоко вдавался в сушу. Там, если смотреть на карту, в районе «поясницы полумесяца», отрастал такой большой нарыв-

пузырь и утыкался в болотистые леса, прорезанные множеством хаотично раскиданных речушек и шоссежных дорог. Там не так сильно дули ветра, местность шла чуть вверх; там было посуше, чем на побережье, но и поглуше – не так оживленно и пафосно. Ни панорам тебе, ни пляжей. Задний двор усадьбы, если можно так выразиться, черная лестница, непарадный вход. Там жили, те, кому некогда было тусить по местным клубам, плевать в облака, лежать на пирсе в теплую погоду, и, прищуриваясь на закат, по-мещански бескультурно тыкать пальцами в сторону пристаней, обозначая отрывистыми матюгами место дислокации недавно купленного катера или яхты.

После смерти родителей, в большой просторной Лидиной квартире, где всегда были только необходимые вещи, поселились «ненужные предметы» – думки и подсвечники, плетёные коврики и салфеточки, фигурки сказочных героев, подушечки для иголок, картинки в рамочках, коробочки без назначения и вазочки без цветов.

Всё это жило и множилось вопреки здравому смыслу, но зато в полном согласии с её фирменным упрямством и твёрдостью характера. Впрочем, Лида была уверена, что её здравомыслие настолько велико, что при необходимости вполне сможет подвести теоретическую базу под любое хозяйкино безумство.

Соседки и приятельницы, побывавшие у неё дома, уверяли, что это копится на продажу, а самые отъявленные сплетницы передавали, будто Лида планирует всё завещать местному музею, причем с условием, чтобы музей открыл свой филиал прямо у неё в квартире. Так, заверяли они, Лида рассчитывает войти в историю города и быть похороненной за его счет на самом лучшем участке местного кладбища, что стоял закрытым последние лет пятьдесят, прячась под кронами огромных елей и лип. Конечно, для такого нужны связи – но связи у неё есть, твердили они, недаром она обшивает всю районную администрацию.

Быстрые, тихие шепотки достигали ушей Лиды, и она звонко смеялась.

– Делать им нечего, старым калошам, придумывают Бог знает что!

Связи её с администрацией ограничивались тем, что некоторые из сделанных ею подушечек, вязаных капоров, рукавичек, а особенно муфточек, с удовольствием брали с рук чиновные модницы. «Руки» принадлежали Лидиной бывшей однокласснице Тамаре, работавшей в этой же администрации кем-то вроде завхоза. Однако бывшая товарка по классу никогда не раскрывала клиенткам имя мастерицы, чтобы не остаться без приварка, поэтому сотрудницы были уверены, что это её работы, и что они делают доброе дело, помогая коллеге выживать на скромную зарплату. Поэтому они всегда дарили ей небольшие презенты и заверяли в готовности помочь с решением насущных вопросов. Тома оставляла презенты себе, а Лиде передавала приветы и – изредка – обещания посодействовать. Но Лида пока ни в чём таком не нуждалась, так что проверить всё это на прочность случая не было.

Какие-то вещицы она делала по своим задумкам, какие-то на заказ; одни были простенькие, но бывали и сложные, дорогие – ей было одинаково интересно и то, и другое. Сама она очень любила капоры и муфты; она делала их из кусочков натурального меха, комбинировала с кожей и войлоком, украшала вышивкой или сделанными из атласных лоскутков аппликациями. Товарка обычно приносила ей детальное описание заказа, подробные размеры и пожелания. Как правило, этого хватало. Она, если честно, и сама не очень рвалась общаться с заказчиками. Ей нравилась дистанция и ей совсем не хотелось ставить себя в позу официанта; ей думалось, что в каком-то смысле, пока она не сталкивается лицом к лицу с теми, кто покупает её работы, она от них не зависит. Разумеется, это была иллюзия, но очень лестная для самолюбия. К тому же, в её понимании эта анонимность вполне уравнивалась более чем демократичной ценой. О том, что для покупателей называемые ею цифры взлетали в полтора, а то и в два раза – она не знала. И узнать об этом – ей пока не случалось.

Одиночество не тяготило нашу героиню, но когда становилось очень тоскливо, она начинала разговаривать вслух. С думками и подсвечниками, с фигурками и картинами в рамочках.

Они внимательно выслушивали её, соглашались, а если и спорили, то мало и недолго. Всё-таки хозяйкой в доме была именно она и именно от неё зависело, сколько раз в неделю с тебя будут смахивать пыль и где будет твоё место, твоё личное пространство – на столе, на диване, на гвоздике, заботливо вбитом в стенку, или где-нибудь на жёсткой скамейке в районе плинтуса, а то и вовсе в наглухо запертом шкафу, где нечем дышать и где свет, отражаясь в стеклянных дверцах, приносит только беспокойство и усталость.

Она была слишком здравомыслящей, чтобы кому-нибудь рассказывать о таком, да ей бы никто и не поверил – по той же причине. Сама она, впрочем, задумывалась порой – в своём ли она уме, но каждый раз упрямство и здравомыслие выручали её. До тех пор, пока ты задаёшь себе этот вопрос, – снисходительно объясняли они ей, – ты в своём уме. Вот когда ты перестанешь это делать, тогда пиши пропало.

Эта странная привычка была для неё необременительной и удобной. Правда, раньше Лиде всё же приходилось следить за собой на людях, но с появлением гарнитур Bluetooth это перестало быть проблемой. Теперь, когда её надоедало сдерживаться на публике, она просто надевала на ухо гарнитуру – и всё. Мимо неё пробегали такие же занятые сверх меры, спокойные, смеющиеся или плачущие. Все они разговаривали в голос, вслух, но с собой или с кем-то – это далеко не всегда можно было определить с первого взгляда. А дома звучание её голоса разгоняло тишину, оживляло долгие вечера. Тревожные и тягостные мысли не успевали пустить корни, сложные вопросы решались легче – если она проговаривала варианты вслух.

Одиночество отступало, давая дорогу мужеству и фантазии. Лицевые мышцы, натренированные постоянным общением с самой собой, держали овал и помогали противостоять переменам. И Лида вполне справедливо полагала, что есть много людей с гораздо более вредными привычками – не только для них самих, но для планеты в целом, так что корить себя или стыдиться ей было нечего и незачем.

Жила Лида на окраине, в том самом «пузыре на пояснице». Район был рабочим, ни крупных торговых центров, ни особых развлечений здесь не водилось. Маленькие кафешки, баньки-сауны; даже магазины здесь остались почти точно такими, какими были и тридцать-сорок лет назад, только ассортимент и кассовые аппараты сменились, да краску на стенах и полы подновили за эти годы. Народ здесь в основном ложился рано, к полуночи улицы пустели и затихали. Соседки провожали её взглядами и сокрушались, что у такой статной, красивой женщины нет ни семьи, ни детей. В старинных романах кто-нибудь обязательно произнес бы сакраментальное: «Милая, да вы просто созданы для материнства!» Теперь всё было проще и не столь учтиво: «А ты чё детей-то не заводишь? Больная, что ли? Или не от кого?»

Детей для себя Лида не хотела. Для детей нужна семья, а семьи у неё не было. И чтобы ей не задавали вопросы ещё и по этому поводу – она отшучивалась, говорила, терпеть детей не могу, так же как и праздники. Публика от таких заявлений терялась и умолкала. Но Лида действительно детей не любила. Она не знала, что с ними делать. Квохтать над ними она не умела, мешало то самое здравомыслие, которое никак не могло взять в толк, с чего бы взрослому, образованному человеку умиляться несмысленному¹ лепету того, кто пока ничего действительно достойного внимания из себя не представляет и ничего вразумительного ни сказать, ни сделать не может. Потом из кряхтящих свертков вылуплялись крикливые существа, не видевшие вокруг никого и ничего кроме себя, эгоисты, не знающие пока ни правил, ни пределов. Здесь не было их вины, Лида признавала это, но мириться – не желала. А позже... позже, когда они начинали ходить и разговаривать – они бесили её ещё больше. И вновь это была не их вина. Они были плохи, потому что плохи были их родители. Потому что больным, считала Лида, было само общество, с его порочным отношением к воспитанию и взрослых, и детей.

¹ устаревшее (см. «неосмысленный», «несмышлелыш»).

Лида была человеком строгих взглядов – ближе к викторианству, нежели к современности и вполне в духе знаменитой байки о Сократе, заявившем матери трёхдневного сына, что «вы опоздали ровно на три дня», когда она спросила его, с какого возраста нужно начинать воспитывать детей. Её бесили мамыши, которым было наплевать на всех и вся, включая собственного ребёнка. Мамаши, которые рожали, потому что так надо – для скидки по ипотеке, для получения квартиры или материнского капитала. Чтобы остаться на работе при сокращении, чтобы пересидеть неугодного начальника, чтобы заполучить богатого мужа, просто чтобы заполучить мужа. Либо – и это было для неё вершиной «наплевизма» – просто потому что так вышло. Они садились в машину рядом с мужем, садились на пассажирское сиденье, справа от водителя, и сажали себе на колени годовалого ребенка. То, что среди водителей это сиденье именуется местом смертника, потому что при угрозе столкновения почти сто процентов сидящих за рулем инстинктивно поворачивают руль так, чтобы между ними и летящей на них машиной оказалось как можно большее расстояние, и, соответственно, подставляют удару именно правую сторону автомобиля – их не волновало. Им такие мысли даже в голову не приходили. Чадолюбивые папаши делали ещё проще. Они ставили на это сиденье кресло с малышом, намертво пристёгивали – и стартовали. «Мой паровоз, вперёд лети...»

Войдя в супермаркет, молодая мамаша расстёгивала пальто, снимала шапку и перчатки – чтобы было удобно и не так жарко. Однако ей даже в голову не приходило распаковать младенца в коляске, и он исходил отчаянным криком, краснел лицом и тряс коляску. Люди рядом морщились, отворачивались, а заботливая мама стоически изучала ленту новостей в смартфоне и, изредка встряхивая коляску, приговаривала «тише, тише», не отводя глаз от экрана. Дети постарше шлёпали до магазина по снегу, лужам, и пыльному асфальту, а потом «продвинутые» мамыши и папаши усаживали их с ногами (и грязными сапогами), прямо в продуктовые тележки на колесиках, в тележки, которые никто после этих юных «инвалидов» не мыл и не протирал. Делать замечания было бесполезно. Взрослые хамили и могли ударить. Дети – те просто не понимали, что происходит. Им делают замечание. А что это? И кто это? И как посмел? Да-да, маленькие человечки, трёх-пяти лет от роду смотрели на рискнувшего, как на наглеца. Они ещё не умели себя вести, не умели думать, не умели даже толком говорить, но смотреть на взрослого человека, как на вошь, они уже умели. И за это тоже нужно было благодарить их родителей.

Адептов современного воспитания, пафосно призывавших к детству, свободному от замечаний, ограничений и наказаний, она ненавидела, ибо справедливо полагала, что «неприученный к повиновению и повелевать не сможет». Лида ничуть не сомневалась, что из этих маленьких «смешариков», кишмя кишевших вокруг, в конечном итоге, вырастут самые настоящие «кошмарики», которые всенепременно и очень наглядно продемонстрируют своим воспитателям все прелести и последствия избранной ими некогда методы.

Может быть, именно от этого Лида так плохо относилась к влюблённым. От несчастной любви не было никакого проку, а от счастливой – рождались дети. Куда ни кинь – везде клин.

Любой умный, проницательный человек, взглянув со стороны, сказал бы, что Лида не терпит влюблённых и детей не потому, что искренне их не приемлет, а от горечи несложившегося. Так легче ей держать в отдалении всё, что когда-то желалось, но так и не случилось с ней самой, и потому, приближаясь, теперь способно причинять лишь боль, растравливая скрытые ссадины и раны. И он был бы прав, потому что иногда она всё-таки скучала. По теплу объятий, прохладе щеки, прижатой к твоей собственной, по влажному жару потрескавшихся от поцелуев губ, по смеху невпопад, по смущенным уклончивым взглядам первых свиданий и по робким первым признаниям.

Но если радости любовной близости ещё могли открыться Лиде, то дети... теперь это был предмет уже скорее умозрительный. Надо было бы, но... было уже поздно. И всё-таки хотелось – иногда хотелось до слёз. Уже не столько детей, сколько действий. Любить, учить,

лелеять, ждать, встречать. Того или ту, что всегда будет твоей частичкой, сколько бы вёрст и времён не пролегло. Она плакала порой, когда была уверена, что никто не слышит.

Но судьбы слышат всё, просто им нужно время, а нам – не стоит им мешать.

Истинное блаженство жизни Лиды состояло в тишине. Ей повезло, и не только в том, что дом был на окраине, но и в том, что её квартира на втором этаже небольшой пятиэтажки, построенной в самом начале 70-х, была очень удачно расположена. Дом одним торцом утыкался в трамвайную остановку на пустынном, полузаброшенном проспекте, где дальше были только ещё не заселённые новостройки, гаражи, а потом – лес, смыкавшийся с длинной лентой заболоченных озёр. Другой торец выходил на пустырь. Летом там гоняли в футбол и пили дешёвое вино под чахлыми кустами сирени. Зимой пустырь укрывало ровным слоем снега, и собачники со своими питомцами протапывали в сугробах под грязно-жёлтым огнем редко расставленных фонарей узкие дорожки, смотревшиеся издалека, словно сеть марсианских каналов. И, как на Марсе, в округе было пустынно – звуки рассеивались, таяли в воздухе.

Её подъезд был последним, самым дальним, если считать от остановки. На этаже было три квартиры. Однушка, трёшка и Лидина четырёхкомнатная, ещё один объект недовольства сплетниц. В однокомнатной жила набожная бабулька, скользившая по дому тихой мышкой. Она так редко выходила на улицу, что Лида дивилась порой – неужто соседке продукты через окно передают, в ночи, пока никто не видит? Не может же она совсем ничего не есть! Но верная своему одиночеству и правилам невмешательства, она не задавала вопросов. Да и как задашь, если человек не выходит? Не в дверь же ему звонить – вы ещё живы? Что едите, что пьёте? В трёшке, напротив Лиды, жила толстая Валентина, заядлая сплетница, которая ревностно блюла тишину, ибо иначе ей было не слышно, что происходит вокруг.

В четырёхкомнатной квартире ниже этажом никого не было. Она стояла закрытая, погруженная в сонную тишину, как дворец Спящей Красавицы. Хозяева, муж и жена Гольцы, Камилла Эдуардовна и Матвей Ефимович, умерли в самом начале девяностых, почти одновременно, день в день, а дети, Марк и Катя, наглухо закрыли шторами и решётками окна, врезали навороченные замки в старенькую, но ещё прочную входную дверь, и первое время изредка наведывались, чтобы сделать капитальную приборку в квартире.

Гольцы всю жизнь коллекционировали антиквариат. Это не было профессией, это было для себя, как говорится, для души. Они ничего не перепродавали, и очень редко продавали однажды купленное. Они всё берегли, и это копилось, заполняло пространство, прирастало пылью и глухими скрипами. Тяжеловесные дубовые шкафы, пузатые комоды с гнутыми ножками, зеркала, чьи рамы напоминали вязь морозных узоров на стекле, бронзовые подсвечники в патине, ларчики и коробочки, старые открытки и старые фотографии. Огромный рояль в гостиной скалил жёлтые, словно прокуренные, зубы-клавиши. Пластинки слоновой кости, которые их покрывали, много где потрескались и отлетели, из-за этого сколы смотрелись как провалы в огромной яме щербатого чёрными клавишами рта. На рояле громоздились старые издания оперных партитур и сборники романсов. Тут же лежали перламутровые веера, разной степени поломанности. Оставшаяся без пары перчатка из тонкой лайки, небрежно обвившая один из вееров, когда-то, вероятно, была белой, но с тех пор изрядно посерела, и стала похожа на сброшенную змеиную кожу. В пузатой лакированной шкатулке горой были навалены разных размеров пряжки и заколки для волос; бусы вперемешку с браслетами выхлёстывали на чёрную полировку и растекались по ней. Ценности почти никакой они не имели, но выкинуть – у наследников рука не поднялась. В детские годы оба они, и брат и сестра, обожали возиться с этими безделушками. Их пригоршни становились то пиратской добычей, то волшебным кладом. В один вечер это могло быть сокровищем дракона, в другой – приданным сказочной принцессы.

Когда-то Лида играла вместе с ними, но дружба оказалась недолгой. Как детям хозяев, им причитались важные роли, а ей доставалось изображать слуг, носильщиков, боцманов или простых матросов. Даже коварного дракона, или главаря злых разбойников – этих смертельных врагов пиратов и принцесс – ей ни разу так сыграть и не удалось. Впрочем, она уже тогда была очень рассудительна и сделала всё, чтобы им даже в голову не пришло, будто она чем-то обижена. Она записалась в кружок кройки и шитья и вначале ходила туда мало и ненадолго – скорее, чтобы отучить их звать её каждый раз, когда по сценарию нужно было нести поклажу, чем ради самого рукоделия. Но потом тонкости шитья увлекли её так сильно, что она совсем забыла о товарищах по играм. Они, кстати, не очень и возражали – Лида с малолетства была существом настолько разумным и последовательным, что в её присутствии они всегда чувствовали себя неловко. Возможно, этим частично объяснялся характер предлагавшихся ей ролей – они были компенсацией за испытываемый дискомфорт.

Однако, теперь именно эти её черты оказались ими высоко оценены – к ней пришли чуть ли не с поклоном и просили стать кем-то вроде смотрителя в музее, хранителем ключей. Ещё её просили стирать пыль и проветривать комнаты – хотя бы раз в неделю. Кроме того, Лиду попросили иногда пить на кухне или в комнатах кофе или чай – создавать, что называется, жилую атмосферу и страховать, тем самым, квартиру от возможных краж, да и просто любопытных носов, ушей и глаз.

Возможно, проще было бы сдать жильё – но мешал весь этот старый хлам. Он не имел особой ценности, да и трудности перевозки сильно занижали стоимость, однако выкинуть всё равно было жаль. Сдавать кому-то со стороны – представлялось опасным, сдавать своим пришлось бы со скидкой. Дорого сдавать тоже не получалось – как драть три шкуры за жильё, в котором и без постороннего присутствия толком не повернёшься? Просто запереть и оставить как есть – было страшновато, водопровод, и отопление были сильно изношены, за их состоянием следовало хотя бы присматривать, коли уж ремонт в планы хозяев не входил. Отсюда и родилась идея пригласить Лиду в смотрительницы. И может быть, именно эта её роль как раз натолкнула злоязыких соседок на мысль, что Лида хочет устроить из своей квартиры музей. Получалось-то как по заказу: и подъезд – крайний, и застройки рядом нет, пустырь только этот, но он прямо просится парковку машинную из него сделать. И обе квартиры – мало что торцевые, так ещё и друг над другом, прямо музей и получится, даже двухэтажный, а то и трёх-, если дядя Коля вдруг свою тоже решит продать под это дело, сдавать-то у него не очень получается, вон, стоит пустая по половине года.

Те из сплетниц, что не были вовсе лишены оптимизма и добрых чувств к окружающим, поддерживали идею – может, тогда ремонт в подъезде сделают, всё польза. А может, ещё и территорию благоустроят, скамейки новые поставят, а может, и качели, или вот клумбы разведут. Те, что позлее – ругались и на Лиду, и на наивных товарок. Дуры, твердили, вы что, впрямь думаете для вас что-то станут делать?! Фигушки! Вот увидите, выселят всех, дом разберут, территорию продадут. А начнётся всё с этого музея, с Лиды этой чёртовой, которая ходит тут, как палку проглотила, ни с кем не здоровается, никого к себе не подпускает.

Конечно, последнее было неправдой. Злые языки преувеличивали. Она и здоровалась, и с соседями была обходительна и дружелюбна. И пусть в дом к себе не звала и тесной дружбы не водила, но всегда останавливалась, если обращались, выслушивала и старалась помочь – если просили. В душу – да, не пускала, и секретами не делилась – ни своими, ни чужими, и вот как раз это ей простить не могли. Собственные Лидины секреты мало кого интересовали, она вся была как на ладони, но она знала многое о других. Знать знала, а рассказывать не хотела, в этом-то и состояло преступление.

«Недаром фамилия у неё – Белокрыльская, – шептались сплетницы. – Знает, а говорить не хочет. Мы говорим, а она – нет. Выше нас хочет быть, крылья белые свои марать не желает. Мы, значит, грязь, а она – святая. Ага! Держи карман шире!»

Ещё Лиду ненавидел Николай, которого все соседи называли дядя Коля – он жил прямо над ней, этажом выше. Просторную квартиру когда-то занимала его большая семья – он сам, жена и двое пацанят, которые вечно носились по комнатам, гогоча и топоча, никто им был не указ, никто не мог их урезонить – ни мать, ни отец. Стихали они только после девяти вечера, предварительно отсмотрев очередную порцию мультиков на ночь. Просмотр длился минут двадцать-тридцать, но зато громкость они выкручивали на полную. Лида, если была не в настроении и погода позволяла, просто одевалась, выходила на улицу, и шёпотом благодарила Всевышнего, что эти оторвы ещё малы, и это просто полчаса мультиков, а не полтора-два часа какого-нибудь тупого боевика или сериала. Когда старший пошёл в школу, к детским воплям прибавилась ругань родителей. Правописание вколачивалось в юный ум едва ли не в прямом смысле слова. Мать грудью вставала на защиту лентяя, ибо он именно ленился, способности-то были, отец рвался продолжать воспитание. Семейные ссоры плавно стали перерастать в мордобой, и в один морозный февральский день, дядя Коля, придя с работы, не обнаружил дома... никого. То есть, совершенно. Жена забрала детей и уехала к матери в далёкий сибирский город, куда билет на самолёт в одну сторону стоил как пол-дядиколиной зарплаты, а поездом туда нужно было ехать чуть не две недели, и билеты были немногим дешевле. Где она взяла деньги – осталось неизвестным, но уйти им удалось без всяких подозрений. Соседи не заметили ничего необычного. Мать и дети вышли из дома, она с сумкой, с которой всегда ходила в магазин, большой, кожаной, прочной, в такой отлично умещались – в дополнение к обычному набору ключей, очков и кошельков, – литровый пакет молока или кефира, хлеб и пара пачек масла или творога. У детей были рюкзаки за плечами – вполне обычные, к слову сказать, и одеты они были как всегда. Ну разве что, вспоминали потом соседки, шли тихо, сосредоточенно так. Но и здесь не заметили тогда ничего странного, может, торопились куда-то, мало ли что. А теперь оказалось, что и впрямь торопились – на поезд или самолёт. Телефоны мобильные были тогда ещё не у всех поголовно, у дяди Коли его как раз и не было. Сначала он не взволновался, ну ушли и ушли, странно, что записки не оставили, но вернуться, куда они денутся? К ночи, естественно, разнервничался, начал по соседям бегать. Но никто ничего вразумительного сказать не мог, а тут ещё машина подъехала, дорогая, по ней видно было, прям бока лоснились, и вся она была такая чёрная, вальжная. Выпорхнула из неё мадам в каракулевом пальто, стильном аж до не могу, и в заливчатой папаше из новорождённого барашка. Кожа белая-белая, брови в ниточку, губы алым прорисованы – чистая Марлен Дитрих, и выражение лица такое же, отстранённое. Поднялась на третий этаж, в дверь дяде Коле позвонила. Он с матюгами открыл – думал, пропажа его вернулась. Увидел, от неожиданности как начал орать – да ты кто, да чего припёрлась? А дамочка плечом пожалала, конверт в руки сунула. «Ваша жена передать велела», – и вниз, не прощаясь. Он за ней, а она повернулась и отчеканила: ничего, мол, не знаю, работаем вместе, письмо мне оставила, просила передать вам лично в руки, да ещё сказала, что, мол, пока не надо, а она, жена ваша, сообщит, когда этот момент настанет. «И вот сегодня, – продолжила гостя, – в начале рабочего дня, мне позвонили и попросили приехать сюда вечером и отдать конверт. На работу супруга ваша не вышла – в полдень стало известно, что уволилась накануне, одним днём».

Более, сказала дама, ей сообщить нечего, и прошу не задерживать, в машине водитель ждёт, а дома – супруг. Другими словами, тронешь – мало не покажется. Дядя Коля пытался что-то спрашивать, шёл за ней, но дама не оборачивалась. Выпорхнула из подъезда ласточкой, и только там уже остановилась, обернулась, и назидательно уперлась наманикюренным ноготком в конверт, который дядя Коля держал в руке.

– Вы письмо-то прочтите, – произнесла она чуть насмешливо. – Может, там все ответы на ваши вопросы уже имеются.

Села в машину, и та сорвалась с места, и исчезла за углом дома, пыхнув на прощанье кровавыми стоп-сигналами.

Какие ответы были в письме, и были ли – осталось тайной, но через полгода Николай стал разведённым мужчиной с большой жилплощадью. Перспективным женихом. С чего он решил, что стоит предложить себя Лиде – неизвестно, но ухаживать он начал рьяно, и долго не мог понять – почему она так упорно отказывает такому замечательному ему. «У нас всё хорошо будет – гудел он у неё над ухом при встрече, – у нас дети будут, мы с тобой будем у меня на третьем этаже жить, а они будут носиться у тебя на втором. А на первом всё равно никто не живет, так что пусть бегают. Они, когда набегаются, спят хорошо и не мешают взрослым делами заниматься». И похотливо усмехался, и потел, и норовил обнять пониже талии.

Лида предполагала, что, возможно, нелюбовь к любви, детям и влюблённым была заложена в неё с самого начала. Так бывало, история и литература хранят тому немало примеров, и возможно, поэтому и не складывались у неё эти самые личные отношения. Но в чём она была уверена абсолютно, так это в том, что финальный аккорд во всей этой симфонии неприятия был именно на совести Николая. Быть избавленной, наконец, от двух, бешено скачущих и вопящих над её головой существ, чтобы тут же, самой, нарожать собственных, возможно столь же шумных? Родить их от того, кто посмел поднять руку на жену, на женщину, на мать своих детей?! Или он всерьёз считает, что если она живет этажом ниже – то она ниже его по уму и статусу? Он что, полагает, будто если он ходит по квартире у Лиды над головой, это означает безусловную для неё необходимость подчинения и от этого с ней можно разговаривать как со скудоумной побирушкой? Любое из этих предположений было чистый бред, но ничем иным объяснить его упорное нежелание принимать её вежливые отговорки и отказы она не могла. Ей не хотелось его обижать – в конце концов, до сей поры он ей ничего плохого не делал, наоборот, пару раз даже кран в ванной чинил, за спасибо причём, и денег не взял и от бутылки вина отказался. Поэтому она очень старалась сдерживаться, но всё равно закончилось всё печально, ибо однажды, доведённая до предела его непрошибаемым панибратством, Лида, неожиданно даже для себя, просто в голос послала его в «пешее эротическое путешествие». Причём коротко и ясно. В трёх словах.

Он понял, наконец. Вначале оторопел, но пришёл в себя почти тут же, ничего не сказал, только скрипнул зубами вслед. И возненавидел всеми фибрами души. Плевал ей под ноги при редких встречах, дышал угрожающе, норовил пройти мимо и толкнуть как бы нечаянно. Устраивал несколько раз буйные вечеринки, типа, чтобы ей жизнь мёдом не казалась. Но тут вступились соседи – вызвали участкового, а у того на дядю Колю было малость компромата, так что в итоге разошлись полюбовно. Ты, Николай, сидишь тихо и не отвечаешь, а я – бумажкам ходу не даю. Тут, конечно, мелочь административная, чепуховина всякая, но потаскаю я тебя знатно, и на работу ещё позвоню, предупрежу, чтобы за тобой там присматривали. Этого Николай не хотел совсем, ибо был, увы, несколько нечист на руку. Он в автосервисе работал, ну а там, знаете, как бывает – левые клиенты, левые детали... Естественно, никому там пристальное внимание слуг закона к сотрудникам на фиг не нужно, особенно когда объект интереса по уши вовлечён во всякие «леваки»... Пришлось дяде Коле дать задний ход, но самолюбие уязвлённое в покое не оставляло. Места в квартире для одного было слишком много, приборкой заниматься он терпеть не мог – не мужское это дело, а денежки требовались – на девиц да на гулянки. Так что Николай решил сдавать квартиру. Себе он придумал снять комнатку у какой-нибудь бабки, рядом с работой, чтобы не тратить время на дорогу, а разницу между тем и этим – класть в карман или даже откладывать, может быть. Может, даже и на машину, а то глупо получается – работает в автосервисе, права есть, а машины – нет. И поначалу всё вроде удачно складывалось, жильцы попадались приличные, платили вовремя, не безобразничали. Была, правда, одна заковыка – семейных он не хотел, а одиноким было дорого оплачивать лишние комнаты. Николай подумал-подумал, и нашёл-таки выход из положения. Он предлагал будущему жильцу самому выбрать в какой из комнат жить, и только в одной или, может быть,

в двух (в двух было выгоднее для него, потому что подороже), а невыбранные – говорил он, пожимая плечами – мы просто закрём на замок, и всё. Покорённые его непринуждённостью и обходительностью, будущие жильцы, как правило, брали две. Снимать одну комнату в пустой четырёхкомнатной квартире – психологически это было всё равно, что жить в прихожей; появлялось ощущение, что ты не полноправный жилец, а какой-то сторож при чужом имуществе. И мало того, что ты это чужое сторожишь, так ты не то что бесплатно это делаешь, ты ещё ежемесячно сам за это и платишь. Выходил полный сюрреализм, и посему половина квартиры в этих условиях смотрелась гораздо более справедливым разделом.

Выгоды нового положения постепенно перевесили горечь неудачного сватовства. Николай отъелся, приоделся, при редких встречах с Лидой начал даже бурчать ей отрывисто что-то типа «здрате». Лицо у него при этом было всё равно набыченное, но по крайней мере, теперь она могла не опасаться злых действий с его стороны – толчка, плевка, рывка за руку. Она вздохнула свободно, перестала шарахаться от громких звуков и теней в подъезде. Немалую роль в этом сыграла, кстати, её соседка по этажу, та самая самозабвенная сплетница Валентина, открывшая Николаю глаза на плюсы провального жениховства.

– Дурень ты! – сказала она ему. – Ну, чего ты ерундой занимаешься! Чего на неё злишься? Что отказала? Ну, так сам виноват, она тебе и так и эдак намекала – не хочу, мол, а ты пёр тупым танком, она и не выдержала, в конце концов. Ну, а как ещё объяснить, если человек понимать вежливо не хочет? Довёл бабу – она тебе и ответила. А что, ты, если тебя довести приставаниями, ты бы до последнего реверансы отвешивал?

– Да я бы сразу послал!! – прогудел сбитый с толку Николай.

– Вот видишь. А она сколько терпела, сколько тебе объясняла.... А ты всё своё!..

– Ну, сказала бы прямо – не хочу!..

– Так она и говорила!

– Не, она как-то... юлила. Я думал, заманивает.

Валя засмеялась.

– Ну, так ты спасибо скажи, что заманивала, да не заманила. Смотри, какая у тебя теперь жизнь! И в холе, и в тепле, и костюм, и мокасины кожаные.... Вон, даже запонки купил.

– Так вчера с Алкой в ресторан ходили, дорогой, зараза, но вкусно.

– А были бы у тебя запонки с ресторанами, если бы Лида тебе не отказала? То-то же! И никаких Алок тоже не было бы, Лида бы тебя в такой оборот взяла, ты бы последнее ей отдал. Нет, так как сейчас – не в пример лучше. Скажи ей спасибо, что послала. Сам видишь, как всё обернулось.

Как-то Лида уехала в командировку. Надолго. Почти на три месяца. Она, собственно, работала в том самом местном музее, которому сплетницы уже практически завещали её квартиру. Музей был краевым, этнографическим, Лида работала там художником-реставратором. Рисовала она с детства, а кружок кройки и шитья плавно продолжаясь, привел её, в конце концов, в училище художественных ремёсел. Практику она проходила как раз в музее, да так в нём и осталась, приглянувшись искусными руками и редкой понятливостью тогдашнему главному художнику-реставратору, бабе Люсе, Людмиле Мелентьевне – строгой, а порой и жёсткой, если не сказать жестокой в своих принципах и высказываниях даме, с пышным начесом седых волос, увенчанной испанским гребнем, в неизменных черепаховых очках и длинной нитке полированных агатов, каждый из которых сам по себе был отдельным произведением искусства. Кстати, Лидины монологи вслух и в никуда зародились именно благодаря музею: в ту пору, когда ей начали поручать делать доклады не только в родных стенах, но и в других городах. Лида, очень боявшаяся публичных выступлений, по совету бабы Люси стала работать над собой, проговаривая тщательно, вслух, все тексты, все возможные вопросы и все варианты своих ответов. Она расхаживала по комнатам, заучивая доклад наизусть, перебивала сама себя

вопросами, и сама себе на них отвечала. Баба Люся, в ответ на замечания окружающих про Сизифов труд, ибо всего не предусмотритишь, меланхолично отвечала, что, да, не предусмотритишь, но воспитаешь в себе волю и умение не пасовать перед нападками. А главное – прищуривалась она на возражающих, – актёрство это дает такую свободу владения материалом, которая совершенно бесценна для лектора – и Лида, опробовав этот метод несколько раз, целиком и полностью с ней согласилась. Постепенно она начала использовать его для решения и других, волновавших её вопросов, а потом эти беседы вошли в привычку. Когда она, расхрабрившись, призналась в своём грехе Людмиле Мелентьевне, та, пожав плечами, сказала небрежно: «Деточка, да я всю жизнь так живу». И добавила: «А чего тут стесняться? Всегда приятно поговорить с умным человеком – разве нет?»; и воздев палец, торжественно провозгласила: «Себя нужно баловать!»

И рассмеялась лукаво.

Вернувшись из поездки, Лида обнаружила, что Николай опять сменил жильцов. Он их именно менял, когда они ему надоедали. Когда его утомляло бегать проверять – не текут ли краны, и не взломал ли жилец замки на запертых комнатах, тогда он начинал вредничать и придираться по пустякам. Он начинал ходить к ним как на работу, и в урочное время, и в неурочное. Они возвращались с работы или из гостей, и заставляли его пьющим чай на оплаченной ими кухне, или спящим в одной из неиспользуемых ими комнат. Иногда он даже приводил с собой дружков или подружек – ненадолго, впрочем, не так, чтобы потом съёмщики отказались платить при выселении, ради которого, собственно, это всё и затевалось. Однако на Николая желание вернуться в свою квартиру нападало нечасто и нерегулярно, чего нельзя было сказать о нынешней его подруге Алке, которую на самом деле звали Ларисой – но он всё равно звал её Алкой, когда набирался до белых глаз. У Ларисы это был воистину идефикс², ей смерть как хотелось обосноваться в квартире любовника и хозяйничать там, сколько влезет. А то, может, и замуж за него выйти да прописаться и оттяпать себе кусок, или даже всё целиком – вон он как пьёт! Сдохнет, неровен час, а жилплощадь тью-тью, поминай, как звали. О том, что в квартире, кроме Николая, могут быть прописаны и другие люди, Лариса не задумывалась. Он не рассказывал – она не спрашивала. Каждый из них придумывал себе свою реальность и знать не хотел ничего о том, что могло бы её разрушить. Черта эта была вполне общечеловеческой, только в их случае глупость, вкупе с горячительными напитками, крайне усугубляла ситуацию.

Поползновения любовницы, в конце концов, стали настолько очевидны, что они всерьёз разругались и Николай выставил Ларису вон из комнатки, которую снимал, а потом напился до полной отключки. Утром следующего дня, охая аки при смерти и дрожа коленками, он дополз до маленькой кухоньки, где согнулась над кастрюлей горячего бульона хозяйка квартиры – Александра Митрофановна, которую все звали баба Саня.

– Супчику, милок? – прогудела она неожиданно простуженным басом. – Супчик, первое дело, когда с похмелюги...

– Давай, – согласился дядя Коля. – А то в глазах всё зелёным отсвечивает.

Баба Саня налила ему супа в миску, сунула в руки деревянную ложку. Он изумлённо уставился на шербатое дерево, а старуха ухмыльнулась краем заросшего старческой щетиной рта.

– Ты, милок, ешь. Дерево, оно свою силу имеет. Поможет, не сомневайся.

На самом деле, секрет деревянной ложки был прост. Бабкин муж тоже пил когда-то, с перепоя и умер. Но пока не стал совсем плохой, ложка ему и впрямь помогала, выручала по утрам тем, что была деревянная, нелакированная, и волей-неволей заставляла концентрироваться – и непривычно, и вдруг рот занозишь. Человек собирался, как-то подтягивался весь, и похмелье отступало быстрее.

– Поругались? – участливо спросила бабка.

² здесь – мания, пунктик, от французского *idée fixe* – навязчивая идея.

– Квартиру мою хочет себе забрать, шалава, – буркнул Николай. – Типа, давай поженимся, будем жить-поживать, я за тобой ухаживать буду, дом охорашивать.... Ага, сейчас! Сначала женись, потом пропиши, а потом – пожалуйста вон, Николай Степаныч, размечталась, корова сивая, как же, как же....

– Ну, ты не спеши костерить, она, может, и правда к тебе с душой, нельзя сразу так... надо посмотреть-проверить...

– Да чё проверять, она вся как на ладони, ехидна зубатая....

– А ты всё ж не торопись. Ты и сам не слишком добёр к людям... вон, жильцы твои – они тебе и денег платят и квартиру блюдут, а ты с проверками да подставами к ним ездешь. Ты к людям со злом, и к тебе другие так же. А вот если кому доброе сделаешь, то и тебе прибудет.

Николай махнул рукой досадливо, не удержался на табурете, и свалился в проход между стеной и столом.

– А ты не махай мне тут, – вскинулась бабка. – Ишь, махальщик выискался. Не веришь? А вот увидишь – так оно и будет. Надо только добро это не за спасибо делать, а просто потому, что хочется.... От души оно идти должно, от нутра....

С Ларисой Николай помирился, но ссору ту в уме всё равно держал. Поэтому и устроил очередной скандал своим жильцам, вдруг они с Лариской уже о чём-то сговорились? И снова развесил объявления, не особо, впрочем, надеясь на скорый улов. Шёл январь, только что отгремели девять выходных, народ был без средств и готовился быть без оных, как минимум, до середины марта. Но на выплаты бывшей жене у Николая деньги были отложены, причём аж на полгода вперёд и он мог позволить себе подождать. В конце марта на его объявление, наконец, откликнулись.

Отсюда и началась та странная история, которая в итоге сделала Николая не только вполне состоятельным, но и хорошим человеком.

2. Лида, Света, Ираида. Столкновения

Со Светой, «девочкой-веточкой», как называли её за глаза – столь хрупкой и тоненькой она была – Лида познакомилась в супермаркете на проспекте, куда все жители окрестных домов ходили за продуктами и хозяйственной мелочью. Несмотря на гордую приставку, магазин был невелик, а ассортимент в нём – скромн; чуть подальше располагался его собрат, размерами побольше и товаром побогаче, но тот район считался уже как выезд из города, рядом проходила окружная дорога, и добраться туда можно было только на машине. Было, впрочем, два автобуса, но оба были круговыми, объезжали весь их район, останавливаясь буквально у каждого столба, поэтому ждать их приходилось чуть не вечность. Народу в них в часы пик было – не продохнуть, а вечером, после девяти, они и вовсе прекращали движение. Но в любом случае, даже если туда, к этому супер-магазину, и можно было доехать на общественном транспорте, то обратно, с котомками и сумками (изобилие на полках неукоснительно соблазняло понабрать что надо и чего не надо) – обратно приходилось вызывать такси. И получалось что выгоднее всё-таки ходить в урезанный, так сказать, формат.

Дело было летом, улицы и магазины кишмя кишели родителями и их детьми. Летом Лида ходила в магазин исключительно после девяти вечера, но сегодня, около полудня, позвонила баба Люся, сказала, что заедет – обсудить очередную совместную статью, и Лиде пришлось бежать на проспект. Её собственная выпечка, которую она предпочитала любой другой, была съедена накануне подчистую, печенье, найденное под пакетами с пшеном и рисом, оказалось тверже камня, и чая у неё тоже не было. Кончился. Пришлось отправляться. Она решила, пользуясь случаем, взять ещё что-нибудь из молочки – йогуртов каких-нибудь или творожков. По штучке, чтобы не скисли, пока она пойдёт обратно, от магазина к дому.

Было что-то около трёх дня. Касса работала всего одна. Перед Лидой в очереди оказалась полная, одышливая тётка лет сорока, она толкала перед собой продуктовую тележку на колёсиках, там лежали печенье, пакет молока, бутылка минералки, коробка сухих завтраков, пара упаковок с конфетами и батон. Девочка лет пяти, помогала маме выкладывать продукты на прикассовую ленту, сидя в этой же тележке, на корточках внутри неё, прямо посреди раскиданной по дну еды. На ногах у девочки были сандалии на толстой, грубо отстроченной подошве. Лида не выдержала.

– Вы бы хоть сандалии с ребенка сняли, раз уж с ногами его в продуктовую тележку запихнули.

Ответом ей был затравленный взгляд кассирши, в котором читались одновременно благодарность, смирение перед судьбой, и осознание полной безысходности.

Тётка угрожающе развернулась, но увидев, что Лида выше её на голову и куда лучше сложена, струсил и попыталась оправдаться:

– А у неё сандалии, между прочим, чистые, – застрекотала она на весь магазин, – они совершенно чистые, она не пешком, между прочим, сюда пришла....

– Да что вы! Вы её на руках, что ли, принесли? – не сдержалась Лида, смерив рыхлую фигуру взглядом оценивающе, и засмеялась.

– Нет! – выкрикнула тётка. – Она на самокате сюда приехала! Вот! Ну, что молчите? Язык съели?

Лида и впрямь оторопела от этой несусветицы. Непонятно даже, чего тут было больше – наглости, тупости, отчаяния?

И тут кто-то у неё за спиной рассмеялся в голос. Она обернулась. Девушка с пушистыми светлыми волосами стояла за ней, лицо она закрыла тонкими, в серебряных кольцах, пальцами и смеялась самозабвенно.

Лида тоже начала хохотать. Тётка побагровела. Девочка притихла и волчонком уставилась на взрослых. А потом вдруг схватила с ленты-транспортера йогурт в баночке, причем не свой, а как раз Лидин, и швырнула его об пол. Полетели брызги, попали Лиде на голые ноги (слава Богу, что юбку надела, а не джинсы, как хотела вначале), – и тут кассирша обрела голос и потребовала от матери убрать и себя, и дитя из магазина, иначе ей придется вызывать директора и составлять акт.

– Скажите спасибо, что женщина ещё не оплатила покупку, а то пришлось бы вам ей деньги отдавать! – заявила она тётке.

К месту происшествия уже торопились охранник и уборщица.

Тётка вытащила дочь из тележки и, заслонив её своим телом, отругивалась, оплачивая покупки. Угроза вызвать администратора подействовала как хлыст, спустя пару минут их и след простыл. Кассирша начала извиняться, сама даже хотела пойти за новым йогуртом, но Лида махнула рукой.

– Хорошо, что стаканчик маленький. – сказала она, – вот была бы хохма, если бы я взяла тот, который хотела вначале, трёхсотграммовый.

И снова засмеялась. Девушка, стоявшая сзади, покачала головой.

– Хорошо, что она до моей кучки не дотянулась.

Лида и кассир посмотрели на ленту. Там лежали два литровых «животика» – один с кефиром, один с молоком, двухсотграммовая банка сметаны, такая же – с ацидофилином, и пластиковая ёмкость с неплотно закрытой крышкой, из кулинарного отдела, с холодцом. Да, уж, любую выбирай – не ошибёшься.

Отсмеявшись, благо народу в магазине почти не было, да и вторая касса открылась, Лида и девушка вместе вышли на улицу.

– Светлана, очень приятно. – девушка протянула руку и улыбнулась виновато. – Не сердитесь, что я вот так, лезу со знакомством...

Лида пожалала тонкие пальцы, покачала головой.

– Не смущайтесь, право, это не страшно. Я – Лида, живу неподалёку, вон в том...

– А я знаю, – перебила её девушка, и смутилась. Какая интересная улыбка у неё, виноватая, но она так украшает, она словно освещает лицо, и что-то детское проглядывает, незамутнённое. – Я вас знаю, вижу часто.

Лида вздёрнула брови непонимающе. Девушка заторопилась объяснить.

– Я на дому работаю, я что-то вроде журналиста, но не по новостям, я о музыке пишу, о театре... Я вас из окна часто вижу.

Лида нахмурилась, недоумевая, где может жить эта Светлана, лицо ей было не знакомо.

– Что-то я не соображу...

– Я у Николая живу, над вами. Сняла у него две комнаты, недавно, с месяц назад.

– Те две, что с балконами?

– Нет. Ту, что у кухни, и другую, просто с окном которая, без балкона.

– Странно. Он всем втюхивает балконные. Они и получше...

– ...и подороже, – закончила за неё Светлана. – Он и мне предложил, но я отказалась, я боюсь в таких комнатах спать. И жить в них боюсь.

– Почему?

– Не знаю. Страшно.

– Так третий же этаж, никто не полезет.

– Я не этого боюсь.

Лида притормозила, взглянула с интересом. А ей, похоже, к сорока, она только на вид девочка девочкой, а глаза вон какие измученные... и морщинки под глазами, и на лбу.... И руки. Ну да, ни маникюра, ни макияжа, серебро на пальцах и в ушах – вот ничто внимания и не привлекает, но если присмотреться – возраст всё же виден.

– Значит, не чужих боитесь....

– Свой хуже чужих, – тень улыбки скользнула по лицу Светланы, волосы, рассыпавшись, закрыли бледное, чуть не прозрачное лицо. – Я и себя боюсь... иногда...

«Ну, вот, – подумала Лида. – Они меня как специально находят. А у неё что случилось? Чем я ей помогу? Впрочем, неважно, я привыкла. Чем смогу, как говорится, только бы не любовь, но на любовь вроде не похоже...».

Она коснулась плеча новой знакомой.

– Будет страшно – приходи. Где живу – знаешь. И не стесняйся. Вечерами я дома всегда, так что твоя главная задача – дотянуть до вечера. А сейчас, прости, я тебя брошу, вон моя начальница идёт – ко мне в гости. Пойду встречать. А ты не унывай. Увидимся.

Вообще говоря, появление Светланы в их доме было странно в первую очередь для самого Николая. Он не рассматривал семейные пары и одиноких девиц в качестве квартирантов. Первых – потому, что воспоминания собственные до сих пор давили на психику, а вторые редко бывали настолько щедры, чтобы поддаться на его уловки с двумя комнатами, а если и велись на них, то почти никогда не были действительно одинокими, и выходило, что в квартире, сданной одному человеку, поселялись двое, и к ним ещё и начинали ходить гости.

А тут – как затмение нашло. Свету Николай, если честно, просто пожалел – как жалеют увечных больных детей, когда что бы ты ни сделал, ничто всерьёз муки не облегчит, разве только чуть утешит. «Сделай хотя бы это», – говорят в таких случаях. Вот и дядя Коля сделал, что мог – сдал две комнаты практически по цене одной. Пожалел. И альтернатив на тот момент особо не было, и комнаты она просила не большие, с балконами, а маленькие. Большие категорически не хотела, сказала, высоты боится, хотя какая тут высота, и при чём она вообще – можно же на балкон и не выходить. А с другой стороны, зачем брать с балконом, если туда не ходить – где логика? И он подумал вдруг, что может и хорошо – эти две, балконные, постоят, отдохнут от жильцов, а эти две, закрытые, наоборот, проветрятся, Светлана их приберёт, обиходит. А то и впрямь получается – две всё время в пользовании, в износе, а две другие пылью зарастают. Надо иногда менять их местами.

Гостей Светлана обещала не водить, шумных вечеринок не затевать, сказала, что не пьёт, не курит – по здоровью. Сказала, что сердце больное. По ней похоже, тонкая – дотронуться страшно, вдруг переломится; и кожа бледная, ровно у покойницы. Волосы только хороши – светлые, пушистые, как гало, вокруг головы. Красивые волосы.

Лариса пыталась возражать вначале, а потом, когда, наконец, увидела новенькую – это случилось в день поминок мужа Ираиды Львовны, величественной дамы, жившей этажом выше над Николаем, тоже в четырёхкомнатной, так только рукой махнула. «Блажененькая она, жиличка твоя, – сказала она Николаю, – такие долго не живут».

И накаркала – года не прошло, как Светлана погибла. Выпала из окна маленькой комнаты, той, что рядом с кухней. Правда, потом сказали, что умерла она ещё до того, как упасть на землю – от сердечного приступа. Вроде как, когда он начался, она к окну бросилась, чтобы воздуха глотнуть, раму открыла настежь, лето, душно было, она её рванула, высунулась, вроде как не в уме была, не понимала, что делает, ну и не удержалась, рухнула вниз. В полёте и умерла. Упала уже мёртвая.

– Довела девку Ираидка, карга злобнющая! – прошипела сплетница Валя, узнав о несчастье. – Чтоб тебе пусто было, чёрная вдова, горе ходячее, королева тьмы, тьфу тебе на голову!

И перекрестилась истово.

Лиды в тот год в городе почти не было. Она уехала в очень долгую командировку, в Сибирь, на самую границу с Монголией. Её давно влекли к себе древние раскосые куклы и шаманские культы из тех пределов, и когда появилась возможность поработать в одном из музеев – она бросилась бить челом бабе Люсе. Людмила Мелентьевна за годы беспороч-

ной службы связями обросла могучими, крепости невиданной, поэтому, хоть городок их и был несколько в стороне от магистральных путей и благ цивилизации, но имя её много в научном мире значило, ей пошли навстречу.

Уезжала Лида ранней осенью, стоял сентябрь, тихий, напоенный ароматами поздних трав и цветов. Было всё ещё жарко днём, и мелкая речушка, обвивавшая тонкой вязью границы пустыря, ещё гнала поверх песка да камней лёгкую, чуть тёплую волну.

Они со Светланой долго бродили вдоль речки в один из последних перед Лидиным отъездом дней, сидели на отлогом берегу, болтали ногами в воде. Света была грустна, её явно печалил отъезд соседки.

– Не унывай. Я ж не навсегда.

– Я знаю.

– Как там звезда наша, Ираида Львовна, прилично себя ведёт?

– После твоего вмешательства – да. Притихла. Ходит только ещё тяжелее. Наверное, специальные какие-то тапки купила. На чугунной подошве.

Лида засмеялась.

– Хочешь совет? Попроси у Николая как-нибудь ключ от какой-нибудь из закрытых комнат. Скажи, что убраться хочешь, ну, мол, они давно закрыты, пыль надела, и вообще. Хочешь хорошее что-нибудь сделать для него, типа доход от твоего съёма небольшой, так хоть так отработаешь...

Светлана засмеялась и похлопала в ладоши.

– Шикарный текст!

Лида замерла на мгновение и охнула, прикрыв ладонью рот.

– Ой. Прости!

– Да ладно. Я перефразирую, когда озвучивать буду. Чтоб без ненужных ассоциаций. А зачем мне ключ?

– Сделаешь себе копию. Сейчас на любом углу эти умельцы. Замки-то у него, небось, на обе комнаты одинаковые.

Света сложила руки у груди и лукаво усмехнулась.

– Ты забыла. У него же раньше две других были закрыты. Те, в которых я сейчас. А замки, у него, между прочим, везде одинаковые. У него этих ключей штук шесть или семь, сама видела, он, наверное, в эти две комнаты не ключи под замки, а замки под ключи заказывал. Шучу, впрочем. Думаю, он с самого начала купил на все комнаты сразу, если на выбор комнаты предлагал. Просто раньше он, наверное, жильцам ключей от их комнат не давал. Наверное, незакрытые стояли.

– А у тебя, что, есть ключи от твоих комнат?

– Естественно. А как иначе? Он от меня закрывает своё имущество, а я своё должна нараспашку держать?

– Ну, он – понятно, переживает, что к тебе могут прийти... неизвестные ему.

– А с ним не могут прийти... неизвестные мне? Он пойдёт проверять своё имущество, а они вместо того, чтобы ждать в коридоре или на кухне, пойдут и проверят моё у меня. Знаешь, если бы у меня было много имущества, оно бы и ладно, но у меня его мало. Так что...

– Понятно. Как там говорят – последние сто рублей легче потратить, чем последний рубль?

– Вот именно.

Лида хлопнула себя по коленкам.

– Ну и отлично! Значит, ключ у тебя есть. Надоест слушать грохот каменных тапок – идешь тихонько в одну из балконных комнат, и там расслабляешься. Бьюсь об заклад, там, где тебя нет – она не ходит.

– Почему ты так думаешь?

– Она не тапки купила. Она, я думаю, в комнатах над тобой ковры сняла. У неё раньше ковры и дорожки лежали везде поверх линолеума. Линолеум-то старый, подсевший. За годы уже прилип, наверное, к бетону. Звукоизоляции, соответственно, ноль, скорее даже наоборот.

– И так у неё во всей квартире было?

– Кроме кухни – везде. Она считала это очень изысканным. Королева же. Да и пылесосить было кому, пока Петр не слёг, он же у неё чистотой заведовал. Снимал половики и вперёд. Пылесосил, как целину вспахивал, с остервенением. Тебе повезло, ты въехала, когда он уже не мог пылесос таскать. А то к нему даже Николай ругаться ходил, что ж ты, говорит, так трёшь, что тебе бедный линолеум плохого сделал? Жену, говорит, отметелить прилично не можешь, так тут отрываешься? Ну, Петр Иванович, муж её, притихнет на время, а потом опять. Даже у меня, через этаж, было слышно.

– Да уж, стены у нас картонные.

– Они ещё и с причудами. Звук гуляет так, что не поймёшь, откуда прилетело.

– А почему ты её королевой зовешь? Она что – дворянских кровей?

– Господь с тобой. Отец у неё, правда, начальник был, на «Волге» ездил, но сама она – ничего особенного. Зато фанаберию хоть отбавляй.

– Это – да, за версту видно. А зачем она половики сняла, если они такие изысканные?

– Кто её знает? Может, убирать надоело, может, ногу сломать боится, старая ведь уже. Запнётся, повернётся неудачно, и здравствуй, перелом. А может, тебе досадить хочется. Или всё вместе.

– Последнее, я думаю, – сказала Светлана, и они замолчали, вспоминая каждая своё.

Света вспоминала, как Лида вломилась в тот вечер к Ираиде. Когда в половину одиннадцатого с потолка заорал телевизор, Светлана постучала по трубе отопления и Лида поднялась мгновенно, вошла к ней и двинулась в комнату, окнами выходящую на проспект – оценить, как она выразилась «лично масштаб бедствия». Светлана спала здесь, потому что в маленькой уютной комнатке, что выходила в большой, полный деревьев двор, по утрам было особенно шумно. Сюда, к их подъезду, на расположенную рядом мусорную площадку свозили баки и бачки на колёсиках, и здесь их забирала машина. Тут же, рядом, в подвале, хранились все дворницкие инструменты, с этой стороны заезжали уборочные трактора. Здесь утром было громко всегда – а Светлана спала долго, потому что работала по ночам и ложилась в третьем или четвертом часу ночи, под зарю нового дня.

Каждый день она обещала себе лечь пораньше – и каждый вечер нарушала данное обещание. Её мучили страх смерти и неопределенность будущего. От этого она боялась высоты – в любом виде и форме, боялась балконов, боялась выйти на них – и упасть. И не то, чтобы по случайности глупой, а по вполне веским причинам. То есть, всё равно, конечно, это было бы нечаянно, но, с другой стороны, и не совсем. Светлана боялась панической атаки – собственного страха и собственного больного сердца, боялась приступа, который может вынудить её потерять контроль над собой. Она очень боялась, что не хватит сил пересилить своё дурацкое желание покончить со всей этой ерундой, которую называют жизнью. Желание это приходило не часто, но когда посещало – становилось почти неодолимым и она старалась не давать ему возможности и соблазна разгуляться по полной. Но чем больше она боялась, тем хуже работало её сердце, и тем больше появлялось поводов для страха. Заступничество Лиды, её поддержка, разрывали этот замкнутый круг, даря успокоение и надежду.

Лида постояла посреди комнаты, вышла в коридор, потом на лестничную площадку, и демонстративно хлопнув дверью, сбежала, громко стуча тапками, на свой этаж. Там хлопнула входной дверью, спустя минуту выскочила на лестницу, хлопнула дверью ещё раз, и, взбежав одним духом на четвёртый, нажала кнопку дверного звонка и держала так, не отрывая пальца, пока ей не открыл красный от возмущения Петр Иванович, суетливо поддёргивавший пижамные штаны, бежевые в серую полоску. Майка-алкоголичка висела на его плечах и тощей груди

как парус в безветренную погоду. Лида фурией влетела в квартиру, её ярость была цвета льда. Она резала пространство, как нож масло, голос был ровен и тих, но в этой тиши слышался лязг металла. Чайчьи вскрики Петра Ивановича не задержали Лиду ни на миг, она распахнула дверь в комнату, где орал телик, выхватила из рук Ираиды пульт, одним движением заглушила звук до приемлемого уровня и швырнула пульт на кровать.

– Вам хорошо было видно? – произнесла она, глядя прямо в расширившиеся зрачки пожилой дамы в синем банном халате и старомодных бигудях. – Четыре деления. Это всё. После десяти вечера – всё. В противном случае, я приглашаю сюда Сергея Афанасьевича, пишу заявление, составляем протокол, вы получаете штраф. И так – каждый раз. Ясно?

– Что вы себе... – начала хозяйка дома, пытаясь одновременно встать с кровати, запахнуть на груди халат, и нажать на пульт, чтобы восстановить громкость.

– Даже не пробуйте – предупредила Лида, перехватывая пульт. – Ещё раз дернетесь, он вылетит в окно, вместе с телевизором. У вас такая рухлядь – даже компенсации не потребуются.

– Это хулиганство! – заверещал Петр Иванович, нервно подпрыгивая у Лиды за спиной. – Вы за это ответите!

– Это – возмездие, – холодно заявила Лида. – Отвечать будете вы. По закону. За нарушение тишины. Виданное ли дело, такой грохот в ночи. Даже у меня через этаж слышно!

– А вы, что, проверяли? – раскричался супруг Ираиды. Сама она хранила молчание, судорожно пытаясь отобрать у Лиды пульт, но так, чтобы это не очень походило на нападение и не перешло, не дай Бог, в драку, потому что в этом случае ни у неё, ни у Петра Ивановича шансов не было – это Ираида Львовна отчетливо понимала.

– Проверяла, – отрезала Лида. – Короче, вы поняли? Четыре деления – это всё. В противном случае я зову участкового. И он придёт – вы это знаете.

И вышла, швырнув пульт об кровать так, что он аж два раза подпрыгнул, прежде чем улечься неподвижно.

Супруги молчали. Они знали. Придёт. Обязательно.

Сергей Афанасьевич, их участковый, и без вызова часто приходил к Лиде. История с Николаем познакомила их и сдружила, в какой-то степени. Она с удовольствием пила с ним чай, выслушивала его жалобы на маленькую зарплату и вязала варежки и шапки с шарфами для его егозливых внуков, которые вечно искали приключений, и естественно, находили их во множестве. Одежда на них просто горела, а варежки и шарфы беспрестанно терялись. Магазиновые изделия пацанята не любили, там не было прикольных картинок и узоров, которые Лида делала специально для них – ей это было в развлечение. Много она делала не руками, а на вязальной машине, стоявшей у неё рядом с окном в одной из балконных комнат. Там было светлее, чем в прочих, и кажется от этого и вязание получалось ярче и радостней. Когда Лида узнала про капризы насчёт рисунков, она предложила Сергею Афанасьевичу купить самых простых, лучше одноцветных, варежек – в магазине или на рынке, а она сделает на них вышивку, мехером или шерстяными нитками. Так будет и дешевле и быстрее. Тронутый её вниманием, Сергей Афанасьевич поклялся, что всё, что будет в его силах – он для неё сделает, если конечно это не будет идти вразрез с законом. На то его обещание Лида и рассчитывала – тем более в данном случае всё было ровно в указанных им рамках. И ещё она рассчитывала на всеобщую «любовь» соседей к Ираиде, вряд ли они бросились бы помогать Лиде, но мешать бы – точно не стали.

Ираида Львовна была занозой не только для их подъезда, её царские замашки бесили всех, кто с ней так или иначе хоть раз столкнулся, но мало кому удавалось воздать ей – пусть даже хлебом за пирог. Она обладала удивительной способностью оскорблять людей, причем, не делая при этом и не говоря совершенно ничего внешне обидного и столь же гениально умела переводить стрелки и валить с больной головы на здоровую. К вышесказанному прилагались махровый, не эгоизм даже, а эгоизмище, и талант к полной невозмутимости. «Бла-

годушие жующей коровы», – называла это Лида в разговорах с самой собой. Прошлого педагога в коррекционной школе-интернате обеспечило Ираиде Львовне более чем незаурядную стрессоустойчивость, а ухудшившийся с годами слух позволял многое пропускать мимо ушей. «Я вас не слышу», – говорила вся её прямая, как палка, фигура, и ей вторило лицо с плотно сжатыми в злую, тонкую линию губами. Такими же прямыми линиями были её брови и глаза, а на носу, словно вырубленном из камня, уверенно сидели очки с очень толстыми стеклами. Она была подслеповата, но вдаль видела хорошо, и всё время отодвигала голову назад, производя на окружающих впечатление высокомерной особы, знающей себе цену – и такой она и была.

Всю жизнь Ираида Львовна положила на то, чтобы быть выше окружающих. Если не удавалось наступить сразу, значит, следовало тщательно уронить, а потом величаво поставить на шею повергнутого ногу в туфельке. Она безмерно гордилась всем, что так или иначе попадало в её руки, даже если это не могло быть всерьёз предметом для гордости. Той же четырёхкомнатной квартирой, в которой жила. Таких квартир и в их доме, и во всём городе было немало, но она воспринимала их как нечто априори ущербное. Полноценной, настоящей, истинно четырёхкомнатной, подлинно квартирой – была только та, в которой жила она. И это притом, что Ираида Львовна не была в ней единоличной хозяйкой, она делила её с сестрой, доли были расписаны ровно пополам. Сестра, впрочем, не жила здесь уже целую вечность, она рано вышла замуж и уехала в соседний город.

Когда умерли родители, сначала мама, а потом отец, они встретились на кремациях и поминках, а потом вновь разошлись, каждый в свою сторону. Ираида знала, что сестра развелась с мужем и подозревала, что та могла вернуться сюда, в родной город. Она не звонила и не объявлялась, хотя прописку сохранила, и отказываться от своей доли явно не собиралась. Собственно, этот квартирный вопрос и стал предметом их ссоры на отцовских поминках, именно в тот день они разговаривали и виделись друг с другом в последний раз. Инициатором скандала стала, само собой, Ираида, но подвела она всё, по своему любимому обычаю, так, что прямой зачинщицей и виновницей вышла её сестра, Алевтина. Впрочем, судьба не замедлила наказать Ираиду Львовну за подлое поведение – ссора вывернулась ей неожиданным боком, и теперь, для того чтобы отобрать у сестры метры, нужно было дожидаться, пока она сама придёт с этой просьбой.

Но Алевтина не шла. Она и впрямь вернулась в родной город и менее всего желала, чтобы сестре это стало известно. Деньги на съём жилья у неё были, а вот на суды, ипотеки и ремонты – нет. Двое детей остались прописанными у мужа, в квартире, где они жили. Сын, который тогда только поступил в колледж, остался жить там под папиным присмотром, а сам папа, Олег Семенович Завалишин, бизнесмен, владелец сети продуктовых магазинов, кафе и ночного ресторана, жил теперь в загородном доме с новой семьей. Средства его позволяли и не такие траты, и если он не мог или не хотел жить с Алевтиной, это не значило, что его не волновала судьба собственных отпрысков. Он планировал продать квартиру и выделить стартовый капитал каждому – либо на личную комнатуху, либо на какой-нибудь бизнес, неважно, пусть решают сами. Он помнил и про половину квартиры, принадлежавшей родителям жены, и считал, что в случае необходимости сестры как-нибудь смогут утрясти вопросы наследства.

Он так и сказал Алевтине, когда они разводились. Никаких претензий к ней у него не было, и быть не могло. Она была хорошей женой, хозяйкой, матерью – только слишком образованной, тихой и терпеливой. Возможно, если бы она чаще капризничала и стервозничала – пусть и наигранно, муж бы остался при ней. Но она всё прощала, всё принимала – и надоела. Он нашёл другую – свою однолетку, яркую, громкую, с гонором и расчётливым умом. Вариант был не в его пользу, он это внутренне признавал, и резких движений по отношению к прежней семье делать не рискнул. Оставил квартиру бывшей и детям. Хочешь – живи, хочешь –

можешь вернуться в родные края, помогу, чем смогу. В конце концов, договорились, что сын во время учёбы будет жить здесь, в городской квартире, он за ним присмотрит. Сам же переедет за город, где строит сейчас дом для себя и новой семьи, собственно, не строит, а достраивает, ибо дом начат был ещё лет за пять до развода, но простоял законсервированным почти половину этого срока. Строительство возобновилось с приходом нового прораба... которым оказалась энергичная Лёля Чуток, ударение на О, ставшая через полгода новой женой мужа Алевтины. По паспорту она была Лилия, но терпеть не могла своё имя. Длинный вариант был слишком томным, а укороченный – и вовсе бесил до беспамятыства. Заканчивала она столичный строительный институт, работала в этой сфере давно, рекомендации у неё были великолепные. Из недостатков – был только пол, не очень подходящий к тому, чем она занималась, очень громкий голос, в котором появлялась бархатная хрипотца, когда она считала необходимым его понижать, и крайне саркастичное отношение к мужчинам, которое она мгновенно меняла на чуть смешливую лесть – если дело того требовало или стоило. Дом был возведён ею в кратчайшие сроки, касательно квартиры Лёля не возражала, и хотя на первых порах внутри себя явно презирала тюху Алевтину, тем не менее, никак этого не показывала, была равна, предупредительна, помогала с переездом, когда Алевтина решила вернуться туда, где родилась. Дочь Аля забрала с собой, а из имущества взяла только украшения и носильные вещи, да и то лишь самые необходимые. Сказала, что найдёт работу и снимет себе жильё.

Муж попытался предложить помощь в возможной войне с Ираидой Львовной за раздел квартиры, но Алевтина отказалась категорически.

– Не надо, Олег, – сказала она, прерывая его нетерпеливым жестом. – Оставим это. Я ничего не хочу затевать. Мы расстались. А про «поделится» – она поделится, только когда сама ко мне на коленях приползёт, но этого точно не будет, можно не ждать. Детей у них нет, и я подозреваю, не будет, а после её смерти всё и так нашим перейдет. Точнее, сначала мне, как наследнице второй очереди, а потом – им от меня.

– А муж? – прищурилась Лёля, которая присутствовала при разговоре.

– Муж не в доле. И вообще ни при чём. Он только прописан. Жить может, а на имущество претендовать не может.

– А если она ему по завещанию оставит?

– Пусть. С ним договориться будет не в пример легче. Но он уйдёт на тот свет раньше, чем она, вот увидите. Она его уже почти съела. Как доест до конца – так его и не станет.

Лёля впервые взглянула на Алевтину с уважением. Жёсткая речь и фразы – как эпитафии. «А я считала её душой, – мелькнуло у неё, – забыла, что нежелание говорить не равно неумению это делать. И не равно отсутствию мыслей. Мы могли бы подружиться, – пришла и вовсе странная идея. – Ну, может ещё получится. Не хочется её обижать...».

– А ты как же? Жить-то где будешь?

– А я сниму. Только вы помогите мне первое время, пока работу не найду. А там алиментов и зарплаты должно хватить. Глашке туговато будет без привычных прибабасов, ну ничего, может, поумнеет.

«Это вряд ли», – подумала Лёля. Дочь Алевтины, Глаша, Глафира – и кой черт её так назвали, с ума сошли, наверное! – была истинной оторвой. Подросток двенадцати лет, она слушала панк-рок, покуривала косячки, да и просто покуривала. Могла выпить – если предлагали, правда, за тяжёлую артиллерию пока не бралась, так, с легонца – шампанское, джин-тоник в баночках, пиво – в дозах покамест рюмочных, и не при родне, но лиха беда начало.

И ещё, что настораживало всерьёз – патологический какой-то интерес к интимной сфере и абсолютный авантюризм. Родителям уже случалось вытаскивать её из не самых безопасных положений. Один раз она, на ночь глядя, усвистала с дальнотойщиками, её сняли с машины на КПП, в пятидесяти с лишним километрах от города, причем сдали её сами водители, когда поняли, что девочку не до дома довести надо, как она просила, когда садилась, а просто увезти,

«всё равно куда, мир велик» – так она им сообщила. Второй раз Глашу забирали из ночного клуба, сонную, окосевшую. Она утверждала, что ей якобы дали что-то понюхать – неизвестно кто, неизвестно, что – но ей стало очень плохо и она отключилась. На вопрос, как она туда попала, она ответила, что шла забрать марки (она их и впрямь собирала), и шла она к девочке из своей же школы, просто адрес не записала, понадеялась на зрительную память, а в итоге заблудилась во дворах. И она ткнулась в первое попавшееся заведение – спросить дорогу и сходить в туалет. Дальше она якобы всё плохо помнит, или не помнит совсем. Вроде и шито белыми нитками – и не придерешься.

Были у Глаши и другие грехи, но всё прочее уже так, по мелочи. Драки с одноклассницами, воровство чужих шарфов, шапок и перчаток. Впрочем, последнее было в основном на спор – «да я вернула, это просто шутка!». И она действительно возвращала, и мирилась с обиженным, а потом обиженный воровал уже её шмотки в раздевалке, и они снова вначале дрались, а потом мирились. Тут в ответе была подростковая страсть нарушать всяческие табу, и это беспокоило, примерно, как выбитое мячом стекло. А всерьёз беспокоил именно её интерес к мужчинам, устойчивый и болезненный – совсем не по возрасту. И не было тут желания любви или замужества, только страстное любопытство и животная, жадная тяга.

Если Алевтина надеялась, что трудности образуют юную Мессалину, то всё получилось наоборот – они только подстегнули жадность и безбашенность девчонки. Едва закончив школу, Глаша устроилась в салон красоты на ресепшн и пошла на курсы массажа. Заканчивала она их на деньги матери, пообещав отдать с первых получек, и пусть не сразу, частями, но отдала. Пропадала на работе и днями, и порой ночами, салон был круглосуточный, при нём были ещё хамам и сауна, туда часто заваливались компании и, попарившись, бывало, требовали массаж. Собственно, ничего удивительного, в настоящих турецких банях это обязательный номер программы, странно было только отправлять на такое вчерашних школьников. Впрочем, Глаша уверяла, что на ночных дежурствах она сама массажи не делает, типа, квалификация не та, да и силы в руках недостаточно, молодая ещё. Делают массаж мужчины-массажисты, а они с напарницей больше «для мебели», принеси-подай. Ну и не так скучно в ожидании клиентов. Массаж после хамама дело тонкое и дорого стоит; не все готовы выложить кругленькую сумму за эту услугу. А количество ночных дежурств, которое месяц от месяца всё росло и росло, Глаша объясняла сочетанием легкости заработка с его величиной, особенно, в сравнении со стандартными дневными сеансами.

Тут, в общем, всё было близко к правде, даже массаж, только в подавляющем большинстве случаев он был не основным видом деятельности, а приложением к основному. По принципу «пойдем в баню, заодно и помоемся».

Мать знала, но ни о чём не спрашивала, обходя молчанием острые углы. Глаше уже стукнуло двадцать один, полное и окончательное совершеннолетие – большая девица. Зарабатывала она отлично, помогала матери деньгами, в редкие выходные драила квартиру и таскала сумки из магазина. И только один раз Алевтина отчетливо высказала всё, чего боялась и о чём думала – в разговоре с Лёлей. Та примчалась под Новый Год проведать их, привезла подарки. Олег не смог, приехали коллеги по бизнесу из Москвы, надо было убогатворить, обиходить. Лёльку отпустил с трудом, она была нужна тут, рядом, принимать гостей, но жена уперлась – мы обещали. И так она там одна, ни о чём не просит, ничего не требует, всё сама да сама.

3. Притяжение судьбы. Лёля и Аля. Вечер вдвоём

Аля и впрямь ничего не просила. Не потому, что ей было ничего не нужно, а потому что ей это было очень сложно. Она категорически это не любила. Заставлять, уговаривать, объяснять, доказывать. Ей казалось, что если любишь, если действительно любишь – то увидишь, что плохо человеку, и где ему не так, а где всё хорошо. И сам придешь и поможешь. Тем, чем можешь, на что и впрямь способен, и силы есть. Она (вполне справедливо, кстати) полагала, что большинство проблем в отношениях нынешних Homo Sapiens – кроется в невнимании к другим и в завышенности ожиданий. Все исходят из себя. Из того, что они сами хотят и требуют, а когда им это предоставить не могут – обижаются. Но другой не всегда в состоянии соответствовать хотелкам даже самых своих любимых людей. Разные бывают ситуации.

Она связывала эту глухоту с тем, что люди в массе своей разучились смирению, терпению, милосердию. Эти качества воспитывались только верой, прагматический разум их не терпел. Противопоставив когда-то природу и рассудок сказкам о душе и вере в чудеса, общество утратило главный стержень своего существования. Вступив в схватку за право живого существа самому решать свою судьбу, оно докатилось от подлинной борьбы до пустых лозунгов о правах человека, которые оно изобретало во множестве, по поводу и без. Оно не видело, или не хотело видеть, как эти лозунги постепенно обращают людей в существ, примитивнее порой даже животных. Права человека, став квинтэссенцией оголтелого эгоизма, превратились из святых истин в орудие для внедрения тирании.

Так что Алевтина предпочитала не требовать, а просто принимать то, что дают. Она не видела смысла в просьбах. Захотят помочь – придут и спросят, если не знают, а если знают – то зачем просить, а если знают, но не делают – значит, не могут. Спрашивать почему – глупо и жестоко. Так можно только восстановить против себя человека. Не может – значит, не может. Сможет – даст. Всё просто.

Она была тихой, но гордой. Просить – унижительно. Открыть себя, свою слабинку – и что? А если скажут «нет»? Будет больно. Очень больно. И как бывает с гордыми людьми, чем больше ей было что-то нужно – тем меньше поводов она видела заговорить об этом. Поэтому молчала и ни о чём не просила. Брала, что давали и благодарила.

Парадокс, но в итоге – она выигрывала. Ей помогали, потому что хотелось ей помочь, причём, именно потому, что она не просила – и делала это искренне, и в этом состоял главный секрет. Искренность эта влекла и очаровывала, в ней крылась интрига. Было тут что-то от спорта, как угадывают фаворита на скачках, или как счастливый билет в лотерею, было азартно-подсознательное» а если вот так сделаю, вот так помогу – угадаю или нет?» А она принимала дар неизменно с радостью, и даритель думал – «я угадал!», и тоже радовался. Вот так и вертелся вокруг неё «круговорот добра в природе», как называла это Лёля. Называла с усмешкой и легким оттенком зависти, ибо сама так не умела. Наверное, стоило бы научиться – но у неё не получалось. Не было в ней пока что нужной безмятежности. И поэтому пока – она сидела у Али на кухне, пила зеленый чай с лимоном и мятой, крошила в блюдечко домашнее печенье и думала, как помочь бывшей жене своего мужа вот в этом данном случае? Крошила печенье она не специально, нет, просто у Алевтины оно всегда было таким рассыпчатым, что Лёля каждый раз, начав отламывать кусочки, заканчивала тем, что сооружала холм на блюдечке, и полив от души сметаной или вареньем, ела его ложкой, как кашу. И теперь она слушала Алевтину и думала – всё правильно она говорит, но как об этом мальчишкам сказать? Олегу и его сыну Вадику, Глашиному брату? И отвечала себе – никак. Не рассказывать. Молчать. Ничего не знаю. И так до самого конца, когда бы он ни наступил.

Аля была спокойна. Во всяком случае, внешне.

– Что ты мне предлагаешь? Запереть её, бить, что сделать надо? Ей двадцать два стукнет через месяц, взрослая девица. У неё своя жизнь.

– Но не такая же!

– Какая есть. Это генетика, Лёль. Поверь. Так бывает.

– Да ну, глупости. Можно подумать, у вас кто-то в роду такой был.

– Так и было, Лёль.

– Аль, не ерунди.

– Ни чуточки, вот те крест. Прабабка была такая, точнее, её мать, прапрабабка. Ладная, красивая, умная – и гулящая! Вся деревня знала, все мужики у неё перебивали, от мальцов до стариков, никем не гнушалась. И не скрывалась, смеялась в лицо и женам и матерям. Говорила – силу свою чую, радость чувствую. Хоть убейте – не прекращу.

– И что?

– И убили.

– Да ладно. – Лёля резко откинулась к стене, чай выплеснулся из стакана, она и не заметила.

Алевтина встала, нашла тряпку, вытерла образовавшееся озерцо. Села на место, помяла тряпку в руках.

– Я не шучу, Лёля. Забили её, насмерть. Руками, ногами, корягами – что было, тем и били. В лесу дело было, бабы не то за ягодами, не то за грибами пошли. Там в лесу и зарыли.

– И что дальше было?

– А ничего не было. Деревня глухая, в стороне от тракта, никому это разузнать-расследовать не хотелось, только лишняя морока. Была бы ещё городская, или деревенская, но из зажиточных, а то обычная баба из крестьянского сословия. Голь, бось. Кому она сдалась? И не искали даже, решили, волк или медведь задрал. Тогда это часто было.

– А как узнали-то, ну, всё о чём ты рассказала сейчас?

– Те, кто бил, проболтались. Вначале-то они молчали, круговая порука и прочее. Боялись всё же. А потом с годами осмелели, стали по своим, внутри семей шептаться. В одной пошептались, в другой – вот наружу и вылезло. От прабабки этой гулящей, только дочь осталась, пяти лет, неизвестно, как бы повернулось, если бы она в деревне тогда была, но, на счастье, её тогда кто-то из дядьёв увёз, погостить в соседний город, в свою семью. Так она там и осталась. Приезжала, говорят, когда выросла, хотела узнать о матери, но все молчали. И только когда прошло уже лет двадцать или тридцать, дети тех убийц рассказали, да и то, говорят, не ей самой, а кому-то из родни её, кто приехал – не то дом продать, не то ещё что... С ней и с дочерью мать её жила, полуслепая, умерла через год или два после того. Дом бесхозный стоял. Всё, что было внутри, растащили мимо ходившие, деревенские не совались. Сначала сжечь хотели, да видно, совесть всё-таки грызла, не решились. А потом дядья, двое, что в городе жили, наняли семью пришлых сторожами. Так и спасли хату, а то сгорела бы в конце концов, не свои, так чужие петуха бы пустили.

– Всё равно, не пойму тебя. Почему не поговоришь с ней?

– С кем?

– Да с Глашей своей, с кем же ещё?

– А что я ей скажу? Ай-яй-яй, как тебе не стыдно, ты же большая девочка, надо быть хорошей, надо правила соблюдать моральные, мать не позорить, ну и что там ещё?.. Так что ли?

– Ну, хотя бы так!

– Брось. Глупости всё это.

– Что глупости? – Лёля подскочила на стуле. – Что глупости? Мораль – глупости? Порядочность?

– Ну, ты мораль с порядочностью не смешивай, это разные вещи. И потом, понимаешь, тут одна тонкость. Она же делает это не через силу, она от этого прётся, понимаешь? Сейчас

не 19 век, и не лихие 90-ые, когда шли на панель от нищеты, от страха – чтобы выжить, чтобы кого-то из близких спасти. Сейчас в шлюхи идут от любопытства, ну, или по зову плоти, если так можно выразиться. Нет, бывают, конечно, и те, прежние варианты, но... сейчас, видишь ли, есть куча других способов заработать деньги, не торгуя собственным телом. Это сто лет назад было – либо на панель, либо в петлю. Теперь всё намного... ммм... толерантнее.

– Бог знает, что ты говоришь, – дернулась Лёля.

– А что? Не по прописи? Ну, извини. И всё ж таки, давай без ханжества, начистоту. Если бы Глаша пошла на панель, потому что нищая, голая, босая, или её на счетчик поставили, или меня, положим, убить бы грозились, или, там, Олега с Вадиком, или ещё что... то есть, жизни наши спасая или сама, спасаясь от голода – я бы, конечно, всё, что смогла бы сделала. Только не стыдила её, а легла бы костями, чтобы уничтожить причину, которая вынудила её так поступить. Но ничего этого нет!

– А что есть? – Лёля смотрела на Алевтину во все глаза. Та оперлась руками на стол, подалась всем телом вперёд. На Лёльку пахнуло удивительной смесью цветов и трав – тёмной, густой, дымно-сладкой. Это были любимые духи Али – мужские Heugus от Живанши. Одна её, Лёли, безграмотная приятельница, выбравшаяся из нищеты в роскошные, уляпанные белым с золотом, апартаменты, обожала совать всем под нос, подаренный мужу кем-то из бизнес-партнеров портсигар, выпущенный этим модным домом, и тянуть с придыханием – «ах, это Дживанши, представляете?» И она растопыривала томно пальцы-сосиски, на которых сверкали перстни с камнями всех цветов радуги и добавляла – «...и вот ещё зажигалочка. Тоооже Джииваншиии...», – и улыбалась гостю влажным, пухлым ртом.

Винтажный флакон, большущий, миллилитров в сто, кажется, был куплен Алевтиной на аукционе, когда она ещё жила с Олегом. Флакон был сплэш, без пульверизатора. Аля хранила его как зеницу ока, отливала в небольшой пузырек милликов по пять, и надевала (по её собственному выражению) только по праздникам, или когда предстоял важный разговор, или же случалось нечто, требующее поддержки и утешения. Сегодня, похоже, на то были все три причины.

«Надо зайти на этот сайт, – мелькнуло у Лёли. – У неё, наверное, мало уже осталось, надо купить ей в подарок, если они ещё есть в продаже».

В продаже – Леля знала, – была и современная версия, с той же пирамидой. Но современный вариант был откровенно плох в сравнении с винтажным.

«Зайду, – сказала она себе. – Вот сегодня же вечером и зайду. И куплю ей. И закажу на её адрес. Пусть ей прямо и привезут. Даже если курьером на дом – что у меня денег нет? Надо её порадовать, вон, какая бледная. И волосы поредели, и руки, кажется, тоньше стали, и вообще, она очень похудела. Наверное, всё-таки расстраивается из-за Глаши, хоть вида не подает».

Она потянула носом. Всё-таки удивительно, аромат мужской, а в пирамиде сплошь цветы, штук двадцать, наверное, разных, просто буйство какое-то! Один раз Аля перечислила их все, на память, а сын, Вадик, засмеялся и сказал «фу, цветочный магазин, зачем мужику такое», а она ему ответила, что он ничего не понимает, маленький ещё. И мужику это и впрямь ни к чему, а вот мужчине – в самый раз. И да, это цветочный магазин, тот, куда этот мужчина пришел. Пришел, чтобы купить самый роскошный букет для любимой женщины, и вот этот аромат – это и есть тот самый букет. Другими словами, это аромат мужской, но он для того мужчины, у которого в жизни есть женщина, к ногам которой можно бросить не то что букет, а весь цветочный магазин. Но вот парадокс – если мужчина на такое неспособен, то и женщины такой в его жизни никогда не будет. Подобное, мол, к подобному. Вадим тогда аж осел после этой отповеди, да и Олег тоже как-то попричих. А она, Лёля, остро позавидовала тогда Алевтине. Её свободе и умению говорить такое. Она, Лёля, так не может. Послать на три буквы семиэтажным может, а вот так – нет.

Аля хлопнула по столу ладонями:

– Глашка – авантюристка, понимаешь? Любительница острых ощущений. Жадная, страстная, любопытная. В ней очень сильно животное начало. Как в тех мужчинах, про которых теперь все пишут, что они мачо. А кто такой мачо? Гора мышц, звериная грация и набор примитивных инстинктов вместо хороших манер. Квинтэссенция животной красоты и сладострастия, сдобренная – в лучшем случае! – хитростью и смекалкой. Тарзан из порнофильма – вот идеал современности.

А женщины! Взгляни на все эти уколы красоты, силикон во всех местах. Надувные куклы из секс-шопа. Губы рыбки гуппи – мечта фанатов орального секса. Я иногда смотрю и думаю – ходячая реклама ведь, неужели сама не понимает этого, неужели ей самой не противно себя вот так публике подавать? А иногда – не смотрю. Не хочу. Не могу. Потому что страшно. Честно. Сегодня идеал для людей – животные. Котики, пантеры, кролики... зоопарк в борделе. Посмотри рекламу, посмотри видеоклипы. Да что там клипы! Посмотри балет! Все эти шпагаты промежностью наизнанку. Порно ин колор. И это уже тотально.

– Не перегибаешь ли палку, девушка?

– Нет. Сейчас найду тебе, вот. Зеркало эпохи. Сама взгляни.

И Аля сунула ей под нос планшет. На экране девочки – в возрасте от 5 до 7 лет – танцевали под зажигательную латину. Видео называлось «как танцуют знаки зодиака», парочка девиц, правда, были вполне приличны, но они явно не брали уроки танцев. Большинство же, видимо, ходило в какие-то кружки или студии, они все как на подбор были в нарядных платьях или даже танцевальных костюмах и выдавали такое!

– Вихляются, как проститутки привокзальные, – сморщилась Лёля. – Вот эта в красном, вообще кошмар. Если она в пять так танцует, что из неё будет к пятнадцати?

– Что ты сказала, то и будет, – отрезала Аля. – Сначала на уровне чисто раздражительном, имитацией движений, а потом и мозг подсоединится. Знаешь, почему сейчас народ так катастрофически тупеет? Потому что пижамные штаны носит. Подштанники и трусы семейные, кои они длинными шортами величают. Идут – сами нечесанные, мятые, шорты эти тряпочные, цветастые – к рубашке, носкам и классическим ботинкам. Штаны спортивные, пузырями растянутые, безразмерные. Они у них чуть не на ходу сваливаются. Еще немного – и задницы волосатые торчать начнут. А потом что? По-большому, как коровы, прямо на ходу начнут ходить, не останавливаясь? Не-е-т, это именно то, то самое, как они же и выражаются, отвал башки – в самом прямом смысле слова.

– Ты уверена, что это вот так вот напрямую связано?

– А ты никогда не задумывалась, почему самые светлые мысли и самые удачные решения приходят во время уборки?

– Нет. – Лёля наморщила лоб. – Погоди, а ведь правда! И почему?

– Потому, что, упорядочивая пространство вокруг себя, ты упорядочиваешь пространство в себе. Хаос внешний создает хаос внутренний. И наоборот. Когда человек в депрессии, в сомнениях – у него всё раскидано, разбросано...

– И всё ломается – я проверяла.

– Когда ломается – это значит, судьба теряет терпение.

– И что будет тогда?

– Тогда будет пинок. Под зад. Чтобы ты побыстрее поменял что-то.

– Что?

– Не знаю. Смотря по ситуации. Себя, жизнь. Работу, семью, город. На что тебя хватает в данный момент. Поменяется одно, за ним другое потянется, и так и пойдет цепная реакция. Просто нужно, чтобы она началась. Нужен катализатор. Пинок. На бытовом людском языке это называется «у нас проблемы» или «у них неприятности».

– Например?

– Пара аварий подряд на ровном месте.... Или одна крупная... болячки.. больница... протечки, завалы на работе... у меня была одна коллега, ездила классно, такая просто гонщица. Не поверишь, говорит, каждый день выезжаю из двора, и там сразу перекресток и светофор. И вот последние три года – во сколько бы я ни выехала, стоит мне вывернуть, моментально загорается красный свет. Утром, днём, ночью, в любую погоду, не важно – красный, и всё.

Аля замолчала, провела рукой по глазам, сжала руки в кулачки. Леля погладила её по руке.

– И что было дальше?

Алевтина усмехнулась, не открывая глаз.

– Не поверишь. Попала в аварию, потом в другую, потом больница, потом через пять лет ещё больница. Потом её начали щемить на работе не по-детски. Ушла. Машину пришлось продать, денег не было её содержать. И вообще денег не было. Потом нашла какую-то работу, с небольшим окладом. На дому. И начались чудеса. Парадоксальным образом стало хватать от зарплаты до зарплаты. Оказалось, что из одежды и ничего не надо и всё есть, а всё потому, что не стало денег шляться по торговым центрам и супермаркетам. Оказалось, что есть много удовольствий, которые не стоят ни копейки, например, аромат сирени, или облака на закате, похожие на креветок. Оказалось, что здоровье действительно дороже любых денег. И что счастье вполне может быть не мгновением, а стилем жизни. А на том светофоре для неё теперь почти всегда горит зелёный, когда бы она ни шла. Представляешь?

– Ты плохо выглядишь, – вдруг ни с того, ни с сего ляпнула Лёлька. И сама испугалась. «Что это со мной? – мелькнуло в голове. – Я же не собиралась это говорить. Зря я так».

Аля поморщилась.

– Устаю. Вроде ничего не делаю – а устаю. На ровном месте. Руки-ноги ледяные всё время. Лихорадит. Температура как при бронхите – тридцать семь и пять, и ни туда, ни сюда. Как простуда затяжная. Может, после пневмонии вылечиться никак не могу, а может, и впрямь устала.

– А может, надоело тебе, наконец, по чужим углам скитаться? Давай, я с Олегом поговорю. Ну нельзя же так! Может, мы с ним к твоей сестре съездим? Разделим через суд, в конце концов. Не хочет размениваться – пусть деньгами отдаст. Олег добавит, купим тебе хоть однушку, если не хочешь слишком сильно быть ему обязана. Будет пусть маленькая, но своя. Зачем ждать так долго?

– Потому что приз для Глаши – вся квартира. Все четыре колеса, в смысле – комнаты. Ради этого я потерплю. Ну и в память о том дне на могиле отца.

– Ты копыта отбросишь, пока дожидаясь! – Неожиданная грубость стала неожиданной и для самой Лёльки, она покраснела и насупилась.

Аля даже не вздрогнула.

– Глашка останется. Ты помоги ей, пожалуйста. Мало ли что. Не бросай. Она хорошая. Пусть там глубоко это где-то запрятано, но она хорошая девочка. Её, знаешь, обхаживают там. И балуют. Из-за этого её изьяна.

– Тяги к мужчинам, ты имеешь в виду?

– Именно. Её даже берегут. Помнишь у Куприна, в «Яме»?

Леля нахмурилась. Куприна она не читала. И про книгу такую не слышала. Аля встала, вышла в коридор, достала темно-зеленый томик из книжного шкафа.

– Вот он. Я не буду тебе зачитывать, не бойся. Достала – просто показать. Роман одного из величайших художников слова. О публичных женщинах в публичном доме. Их жизнь, их нравы, боль и обиды. Люблю нежно. И роман, и Куприна. О нём сегодня не помнят, а эту вещь – не вспоминают совсем. Потому что здесь нарисовано то, что когда-то было только одним из кусочков общества, закоулочком, а теперь это – всё общество целиком. Сверху донизу. Публичный дом. Помнишь Мэрилин Монро с её «лучшие друзья девушки – это бриллианты»?

– Ну, это же была шутка! Или нет?

– В каждой шутке лишь доля шутки. А всё остальное – правда, которую в прежние времена доверяли оглашать только шутам. Остальных она приводила либо на костёр, либо на плаху. А в лучшем случае – в сумасшедший дом.

– И что в этой книге? – Лёлька ткнула пальцем в томик. Она хотела вернуть разговор из общих дебрей к конкретике, боялась, что Алё сейчас унесёт, как не раз бывало с ней в последние годы их брака с Олегом. Собственно, из-за этого брак и развалился – полностью и окончательно. Превращение жены из тихой хозяйственной мышки в пророчицу оказалось не по силам господину Завалишину, и он капитулировал. Сначала просто сбежал в недостроенный дом, а потом, решившись достроить, встретил Лёлю. И понеслось.

– Если вкратце, есть там некая Паша, в этом публичном доме, о котором роман написан. Она больна, Куприн рисует её недуг как начало безумия, и пишет, что именно эта болезнь заставляет её искренне и жадно отдаваться любому мужчине, кто бы её ни выбрал. И что якобы в бордель она попала добровольно. Хозяйка из-за этого недуга её балует всячески, оберегает. А Паша зарабатывает так много, что к обычным гостям даже не выходит, она, как говорят теперь, ВИП-вариант. И что интересно, многие из её постоянных клиентов в неё даже влюблены, пусть и на уровне «ниже пояса». А сама она в обычной жизни – добрейшее существо, бессеребренница, мягка, приветлива, и очень старается наладить дружбу с товарками, которые из-за этого ею брезгуют и презирают даже.

– Ты хочешь сказать, что Глаша больна психически?

– Это вряд ли. Она слишком рассудительна для этого. Но уверяю тебя, те же эскортницы, те, что зарабатывают бешеные бабки, они все – как Паша. Или как Глаша. Да ты и сама знаешь – без искреннего интереса к тому, чем занят, успеха не будет. Это аксиома любого бизнеса. Да и любой жизни, в принципе.

– Это, как с зелёным светом? – Лёля, кажется, начинала понимать, зачем Алё всё это рассказывает. Хочет обелить дочь. Нет, не обелить, просто дать понять, что Глаша в порядке, и что она живёт как хочет и может и не надо ей мешать.

– Угу. Видишь ли, с определенного момента, мы, лицемерные существа, начинаем помнить только то, что долг детей – помогать родителям, но забываем, что долг родителей – не мешать детям. Отпустить их. Иначе они так никогда ничему и не научатся. Глаша молода, она вполне может вернуться к нормальной, моральной жизни.

Лёля засмеялась. Алевтина погрозила ей пальцем, сделав «страшные» глаза.

– Помоги ей, Лёль. Не оставляй её. Олег ей не помощник, Вадик – тоже. Они – мужчины. Ты помоги, если что. И не говори им, не надо.

– Даже не собиралась. Ни сейчас, ни потом. И не скажу. А ты по врачам пройти не хочешь? Что-то больно мрачны твои речи.

– Я там уже была. Пока – ничего серьёзного. Будет плохо – я тебе скажу. А речи... под Богом все ходим, Лёлик, сегодня есть мы, завтра – нет. На улицу вышел, на остановку встал, и тут пьяный мачо не ту ногу на педаль поставил – и остановка всмятку, и ты тоже. А ничто не предвещало. Дорогу переходил – и не перешёл. Примеров бездна. Утром встал – вечером лёг, насовсем. Как там говорил Воланд на Патриарших: «Плохо не то, что человек смертен, плохо, что он внезапно смертен, вот в чём штука». Поэтому и прошу – пригляди за ней. Она хорошая девочка. Вон – и деньги, и по дому, и массаж мне делает безотказно. Ноги, шею. Шея очень болит последний год, и крестец ещё. Сижу много. И стою. А уже нельзя после пятидесяти. После пятидесяти – или ходить, или лежать. Стоять, сидеть – противопоказано.

Алё повертела солонку в руках, поставила, снова взяла в руки.

– И кстати, массаж она делает действительно хорошо. У неё руки – большие, тёплые. Когда массирует, они у неё словно нагреваются, от них прямо жар идёт, будто печечки маленькие. Я порой даже целителей вспоминаю, тех, что наложением рук лечили в легендах да

сказках. Может, это вообще как-то связано. Вот эта животность, эта страсть к тактильности, к осязательным ощущениям, схлестнутая с бешеной эмоциональностью, тягой к неизвестному, с отвагой безбашенной и любопытством, что сильнее страха. Может, это как обратная сторона того, что ей ещё не дано, может, судьба ещё вывернет её куда следует. Она и массажем могла бы зарабатывать не меньше, я думаю. У неё же не только техника, после её рук, кажется, земля под ногами прочнее становится. У них на курсе была ещё девочка, тоже руки чуть ли не как у хилера филиппинского, а в итоге ушла.

– Почему?

– Сказала, терпеть не может трогать людей.

– А может, эти руки, – Лёля осеклась. Мысль была интересной, но слишком неприличной.

– И там ей помогают, где она сейчас, ты хотела сказать? – Аля внезапно рассмеялась. –

А что, всё возможно. Но чаевые ей, действительно, отваливают порой просто громадные.

– Ты, кажется, гордишься ею? – вылетела из Лёли ещё одна искривленная бестактность.

Алевтина не смутилась, не возмутилась, только улыбнулась светло.

– Я люблю её, Лёль. Она – моя. Какая бы ни была. И она ведь никого не грабит, не убивает.

Она не врет, не ворует. Если кого-то она и губит, так только себя. Но тут одно из двух – или остановится сама, или погибнет. Буду насильно останавливать – уйдёт от меня совсем, уедет, переедет. Тогда я и знать не буду, если что плохое случится. Нет уж. Пусть будет так, как есть. В конце концов, у нас в институте была одна. Дочка каких-то крупных чиновных лиц, мама – где-то в сфере культуры, папа – по налоговой части. Девушка спала со всем факультетом, без разбору. Просто из любопытства. Бесплатно. Ну или почти – на коньяк, который она любила, кавалерам тратиться всё же приходилось. Думаешь, так лучше? Тут, в этом салоне за ними хоть какой-то присмотр. Кожно-венерический, по меньшей мере.

У Лёли вытянулось лицо. Аля покачала головой.

– Не обращай внимания. Это я себя так успокаиваю. Потому что, иногда – да, хочется её за волосы взять и башкой о стену, и орать дурниной, чтобы прекратила, чтобы бросила, надела «белый верх – чёрный низ», и в институт, за парту. Но знаю – бессмысленно. И посему только и остается, что изобретать парадоксы. По типу названия салона этого.

– А как он называется?

– «Рай на окраине».

Лёля громко фыркнула и чуть не подавилась печеньем. Аля пододвинула ей стакан, где ещё плескался чай. Лёля помахала рукой, давая понять, что обошлось.

– Ишь, как завернули! Неоднозначно.

– Скорее, многослойно. Начнем с того, что они и впрямь на окраине. На выезде из города. Там потише, понезаметнее. Места много, аренда дешёвая. Хотя у них наверняка в собственности домик этот. Потом, рай, он ведь, если так можно выразиться, всегда на окраине – на краю мира, вдали от суеты. Ну и наконец, просится ещё мысль о том, что рай можно найти где угодно, даже на обочине, в степи, у чёрта на куличиках – если очень постараться. Такой вот парадокс. И, как видишь, я ими тоже страдаю. А что делать?

– Говорят, парадокс – одна из форм истины.

– Это правда, Лёль.

– Тогда ты всё делаешь правильно. А про здоровье твоё мы ещё поговорим, не обижайся. Лёля посмотрела на часы.

– Хочешь поехать? На ночь глядя? Оставайся, поедешь утром.

– Не могу. Там Олег уже косточками моими мысленно похрустывает, отсюда слышу. Надо выдвигаться. И пробки там сейчас. Пока до трассы доползу, к полуночи подкатит.

Аля вышла в прихожую, включила свет. Несколько минут они молчали. Лёля сосредоточенно натягивала сапоги, Алевтина смотрела в зеркало.

– Ты меня услышала?

Лёля подняла голову. Алевтина смотрела не на неё, а куда-то вверх. Лицо было бледным, губы обмётаны, как в лихорадке. Там, на кухне, свет был жиденьким, тёмно-желтым – и было незаметно, а здесь, под яркой лампой, ватт в 100 с лишним, да ещё и без плафона – здесь это прямо бросалось в глаза.

«Совсем сдала», – подумала Лёлька, а вслух спросила:

– Ты про что?

– Я про Глашу. Я просила тебя..

– Присмотреть. Да, Аля. Я тебе, вот, крестом клянусь.... – Лёля вытащила из-под свитера маленький крестик на тусклой, медной цепочке. Крестик был очень старый, края были словно обточенные, оплывшие, как восковые свечи перед алтарем в конце службы. Алевтина расширила глаза.

– Какой он у тебя... никогда не видела.

– Я его только в дорогу надеваю. Когда очень в даль, и за руль. Оберегом. На повседневку не трачу, храню. Он не любит суеты.

– А я думала, ты мирская до мозга костей.

– Насквозь приземлённая?

– Ну, да.

– Ну, вот и нет.

И обе засмеялись. Лёля тут же посерьёзнела, подняла крестик на уровень губ, приблизила ко рту, так, чтобы дыхание его касалось.

– Я тебе обещаю, – сказала она тихо и глухо. – Я обещаю тебе смотреть за Глашей, за работой Божией Глафирой, и прийти ей на помощь, когда она попросит, или когда Боженка позовёт. Клянусь в том.

И легко поцеловала – сначала крест, потом Алевтину.

Обняла крепко, сдернула с плечиков шубу, подхватила сумку, и шагнула в открывшуюся перед ней дверь.

Алевтина погасила свет в коридоре, зашла в комнату рядом с кухней, включила маленький ночничок, встала у окна и смотрела, как Лёля отъезжает. Помахала рукой – она не увидит, конечно, но на душе легче, что попрощалась – и потом долго сидела у окна.

Скоро уже невозможно будет скрывать от родственников правду. Начнется химиотерапия, полезут волосы, скоро всё полезет наружу. Как бы ни швырялась она, Аля, громкими словами, о том, что легла бы костями, спасая Глашу, чтобы вернуть её на путь истинный – это были только слова. Сделать то, что она говорила, означало наложить на себя руки. А с этим пока не были готовы согласиться ни она, ни Глаша.

4. Лёля, Зоя, Глаша. Треугольник будущего

Заснеженный проспект, плавно переходивший в безымянный выезд на трассу, что огибала город, отходя от линии залива и возвращаясь к ней, был под завязку забит машинами. До того места, где от широкой асфальтовой ленты начиналась другая, поплоче и поуже, и приводила чуть ли не прямо к воротам их загородного дома – до этого места было ещё далеко. Пока что вокруг Лёли был ад – коллапс, паралич, а на часах стрелки уже летели к полуночи. И это она, Лёля, ещё даже до трассы не доехала, до неё и в свободном-то режиме следовало минут сорок катить, а тут... Тут – она подозревала – выйдет часа полтора, а то и два. Ей надо было, конечно, либо уезжать раньше, либо надо было остаться – но теперь все эти рассуждения были ни к чему. Теперь – она застряла, и до дома доедет, в лучшем случае, завтра вечером. Потому что на свою трассу, по прямой, она встанет теперь не раньше половины третьего. Лёля любила ездить по ночам, но при этом всегда старалась подгадать так, чтобы предрасветные часы – самые муторные и опасные – встречать где-нибудь рядом с пунктом назначения. Чтобы если что – заехать на заправку и подремать там, прямо в машине, пару часов. После такого сна полноценно не восстановишься, но сил на паручасовой бросок хватит однозначно. А здесь получалось, что именно на эти предутренние часы и придется самый длинный и сложный кусок дороги. Плюс, пока она дотолкается в этой пробке до «большой воды», она устанет, как чёртова мать, и это ещё больше всё осложнит. Наверное, стоит попробовать объехать «затык», если конечно, её выпустят отсюда соседи по дороге. Если нет, придется тихо рулить к обочине, искать затишек, и ложиться спать на пару часов. Или искать тут, в округе, какую-то гостиницу или мотель, и прорываться туда. Заплатить за сутки и лечь спать – часов хотя бы до пяти, – а потом, отдохнув и поев, ехать, теперь уже не останавливаясь и не отвлекаясь. Тогда, возможно, она окажется дома к обеду и попадет хотя бы на вечерний приём. Банкетный зал, конференс и концерт были заказаны и оплачены, а роскошное платье из шифона цвета угольных сапфиров ждало её уже больше двух недель. Макияж Лёля делала всегда сама, а её коротенькой стрижке, прокрашенной, как по линейке, в рыжий и платиновый цвета, услуги парикмахера были не нужны. Туфли Лёля нашла совершенно в том же стиле – на высоченной чёрной шпильке, перехваченной узкими концентрическими кругами из плотной металлической ленты. От этого каблук походила на небоскрёбы, опоясанные кольцами света через равные промежутки этажей, или на коридор космического корабля. Серебристо-белый верх, как меловой утес, вырастал из чёрной полосы, шедшей понизу, кантом, вокруг носа и боков. Туфли были похожи на город на берегу моря, платье – на ночное небо, а прическа Лёли – на полную луну в нём. И тонкий, молочного оттенка, шифоновый шарфик, закинутый через горло назад, концами за плечи, вполне мог сойти за облака, посеребренные ночным светилом. Лёля могла быть разной, но она всегда была сногшибательна – и при полном параде на званом ужине, и на стройке в грязном ватнике и резиновых сапогах.

Соседи по дороге её выпустили, но объезд не задался. Навигатор упрямо наливался красным, бесконечно перестраивая маршрут, пока она металась по узким улочкам в стороне от проспекта. В конце концов, ей надоело это занятие, она приткнулась у какого-то двухэтажного здания и сняла телефон с подставки. Пора было написать, что, мол, задерживаюсь, и найти место для отдыха. Звонить Олегу не хотелось, проще было написать, что за рулём, что пробка, что еду, приеду, целую – и на этом всё. Разнервничается – сам позвонит, а нет – значит, нет. Собственно, она была уже не так и далеко от края города, если ей повезет, и она найдет что-то приемлемое, то около половины пятого утра можно спокойно стартовать, в эти часы пробок не существует в принципе.

Лёля жалела, что не уехала от Алевтины раньше, и жалела, что не могла остаться. И очень жалела, что не довелось встретиться с Глашей. Аля сказала, что у той сегодня ночная смена,

но может быть Глафира просто не хотела видеть Лёлю. Она всегда была не слишком приветлива с новой папиной женой. У неё были сложные отношения с миром, во всяком случае в те годы, когда Лёля с ней познакомилась, но самые непростые из них были именно с отцом. Кажется, Глаша его очень сильно не жаловала, многое, как подозревала Лёля, дочь делала ему назло, и порой Лёле даже приходило в голову, что Глаша хочет рассорить родителей, разлучить их. Если так – своего она добилась, правда, не очень понятно, для чего ей было это нужно. Зато было понятно, что хотя Алевтина и сотовой доли не рассказала из того, что следовало бы, высказанную ею просьбу придется исполнять. Она, Лёля пообещала, и вовсе не по принуждению, а от чистого сердца. Но одно дело сказать «я сделаю», другое – сделать. А она так торопилась – даже телефон строптивой девицы не взяла у матери. Дома у неё был записан какой-то номер с пометкой Глаша, но фиг знает, может, она меняла номер, или ещё что-то. Она подумала, что утром надо позвонить Алевтине и взять телефон. И не забыть заказать духи! И всё-таки попытаться снова поговорить с Алей о её проблемах со здоровьем, хотя бы уговорить пройти основных врачей – кардиолога, невролога, гастроэнтеролога того же. Ладно, как вышло, так вышло. Значит, пока не время.

Она вспомнила фразу, слышанную на party, устроенном на берегу лазурного озера, в солнечной Италии. Дело было на вилле какого-то итальянского олигарха, она туда попала совершенно случайно, в период страстного романа с одним футболистом, которому её контора – Лёлька тогда ещё работала не сама на себя, а по найму – строила дом под Суздалем. Футболист играл за команду, которую спонсировал этот итальянский олигарх, потому что когда-то, задолго до того, как стать великим финансистом, олигарх был самым обычным сорванцом и защищал цвета этой команды на футбольном поле, пока не закончил школу и не уехал учиться в Туринский университет.

«Когда вы будете готовы – за вами придут».

Вот именно. Боженька и судьба умнее нас, грешных, когда надо будет – тогда и сложится. А пока – хорош разлагаться, надо искать ночлег.

Лёля занесла руку над дисплеем, и тут сзади резко гуднули. Она вскинула глаза – чёрный «Чероки», похожий на катафалк, крякая нетерпеливо, объехал её, взметнув тучу снега с обочины. Его клаксон длинно и возмущённо проорал что-то, алые стоп-сигналы вспыхнули, и чёрная туша свернула к гостеприимно распахнутым воротам, вделанным в высокую узорную ограду дома, около которого она припарковалась.

«Ой, – подумала Лёля. – Нехорошо вышло. Он, наверное, живёт тут, а я у него под забором тусуюсь, как побродяжка. Надо отъехать, а то ещё охрану вышлет разбираться».

Она проехала немного вперед и встала поодаль. Бросила взгляд в зеркало заднего вида – и оторопела. Под крышей двухэтажного особнячка яркими огнями переливалась надпись: «Рай на Украине».

Это было полное и окончательное «да».

Она хотела увидеть Глашу? Пожалуйста.

Она хотела её телефон? Что ж, возможно, и это у неё получится.

Она хотела ночлег – что ж, нет сомнений, что даже если в этом «Раю» нет номеров, чтобы поспать, она совершенно точно может узнать, где они могут быть в радиусе пары километров. И это заведение совершенно точно работает ночью, вот они в поиске, она нашла. Да, «Рай на Украине», салон красоты, массажный салон, баня, сауна, кафе. Работаем круглосуточно, по записи и без. Мэйлы, номера телефонов, фотки интерьеров и мастеров прически и маникюра. Расценки на грани неприличных, но интерьеры крутые. Если мастера не хуже – тогда всё в порядке и с расценками.

Лёля медленно сдала назад и повернула на аллею, которая вела к воротам. Ехидно ухмыляясь, заехала на парковку и встала рядом с чёрной тушей «Чероки». Проверила в зеркальце макияж, подправила помадой рот, скорчила себе рожицу.

– Ну что, к подвигам готовы?

Вышла, заперла машину и пошла к входу в особнячок, провожаемая пристальным взглядом видеокамер.

Черноволокная фея в белом халатике гостеприимно распахнула дверь.

– Добро пожаловать! Замерзли? Чай, кофе? Чем вам помочь?

– Мой список может оказаться бесконечен, милая, – пропела Леля, и стряхнула с плеч осыпанную снегом шубу прямо на грудь девице. Та автоматически прижала её к себе и только тут осознала глупость содеянного. Рывком оторвала шубу от себя, но поздно. Ржаво-рыжий, длиннющий, пушистый лисий мех щедро поделился влагой с тонкой тканью халата, проступили очертания бюстгальтера и сорочки. На судорожно вытянутых руках девица понесла шубу к вешалкам, стоявшим в углу у окна.

Жест Лёли был продиктован не вредностью, но расчётливостью. Люди нервничают, встречаясь с поведением «не по стандартам», они начинают суетиться, перестают толково сообщать, и в итоге делают то, что им говорят или о чём их просят, гораздо менее строптиво, чем могли бы. Такие «барские замашки» обычно принято считать демонстрацией силы. Конечно, есть те, кто способен противостоять наезду, но клерки на ресепшн к этой категории, как правило, не относятся. Черноволокная девица не стала исключением. Минутная оторопь сменилась покорной услужливостью. Она сдернула легкий шарфик – возможно, часть корпоративного наряда – со спинки своего стула и повязала на шею, спустив концы на грудь, чтобы прикрыть влажное пятно.

– Добро пожаловать в «Рай на Украине»!

– Как-то безлюдно в вашем раю сегодня... – Лёля повела руками раздумчиво. – У вас всегда так? Подумала мгновение и добавила:

– На вашей Украине...

Девица, старательно удерживая улыбку, запротестовала:

– Ну что вы! Просто время позднее. Но у нас и в сауне, и у массажистов всё равно клиенты сейчас есть. Скажите, чем мы можем вам помочь? Что бы вы хотели?

– Пока не знаю, – капризно надула губки Лёля. – Это зависит от того, что вы можете предложить. Дайте преискуртант, что ли!

Девица наморщила лоб.

– Простите?

Лёля вздернула бровь и смерила её взглядом.

– Кресло, кофе, прайс. Прайс на услуги. Так понятнее? – Девица затрясла головой, мол, да, поняла.

– Всё принесите сюда. – Леля кинула сумку на низенький столик рядом с умопомрачительно-розовым, кожаным диваном. – Я буду тут. Идите. Кофе с сахаром. Две ложки с горкой. Кофе горячий. Не растворимый. Крепкий. И воду со льдом к нему.

– Эспрессо? – перевела на понятный себе язык девушка.

– Йес, – ухмыльнулась Леля. – Эспрессо. Только не в бадье на пол-литра. 40 милликов. Не больше. Не понравится – верну. Будете сами его пить, а мне варить новый. Пока не сделаете как надо. – Лёля резко повернула к ней голову. – Ай капито?

Девушка судорожно сглотнула.

– Это по-итальянски, – сжалилась над ней Лёля. – В смысле, андерстэнд? Поняла?

Девица закивала и унеслась в соседний зал. Там, похоже, как раз и было кафе. Можно было просто пойти туда, но так было и неинтересно и без пользы для дела.

Девушка вернулась, взяла со стойки тяжёлую папку, тоже розовую, кожаную, но с поверхностью не гладкой, а выделанной под змеиную кожу, и положила её перед Лелей.

– Вот, это наш каталог.

Лёля лениво листала страницы, периодически придираясь то к лицам на фотографиях, то к цветосочетаниям в интерьерах. На странице «услуги массажиста» она остановилась.

– О. Массаж. Хочу массаж. У вас отдельные кабинеты, я надеюсь.

– Разумеется. И у нас великолепные мастера.

– Меня после массажа клонит в сон. У вас тут случайно нет номеров, чтобы поспать?

– Нет, чтобы поспать – нет.

– То есть, если я засну под конец массажа, вы меня разбудите, кинете в меня моей сумкой и сапогами, и велите убираться вон. Я вас правильно понимаю?

Девушка пошла красными пятнами.

– Нет, конечно! Как вы могли подумать? Нет, мы...

– Что – вы? Что вы сделаете?

– Ну, мы просто оставим вас отдыхать, пока вы не проснетесь сами. Просто, ну... стоимость сеанса будет несколько... – она замялась. – Ну вы же, понимаете...

– Понимаю, – с готовностью откликнулась Лёля. – Вы посчитаете мне сеанс массажа не полтора часа, а на всё то время, пока я буду занимать кабинет. Посчитайте мне тогда сразу до пяти утра. И включите в счет ещё душ, утренний кофе и завтрак. И услуги будильника, то есть вас. В смысле, разбудите меня в пять, понимаете? В кабинете есть туалет?

– Н-нет.

– Тогда покажите, где он, зовите массажиста, и посчитайте мне общую сумму.

Девушка помялась.

– Массаж придется подождать немножко. Сегодня Андрей Евгеньевич, он сейчас занят.

– Мне не нужен Андрей Евгеньевич. Мне нужна вот эта. – И Лёля ткнула пальцем в фото Глаши, под которым было написано «массажист-стажёр».

– Она не работает отдельно, – возразила девушка, – только в паре с мастером. И она тоже сейчас занята. Вместе с Андреем Евгеньевичем.

– Я уже сказала, меня не интересует ваш Андрей. Я не люблю мужчин. Они мои конкуренты, – Лёля отбросила каталог. – Читайте. И не тяните резину. Ночь не бесконечна.

У черноволосой девушки вспыхнули глаза. Она защёлкала ногтями по клавишам калькулятора.

– С вас... – она назвала сумму вдвое большую максимальной по прайсу, но Лёля и глазом не повела.

– Теперь откройте мне свободный кабинет... – она прищурилась. – У вас есть свободный кабинет с мягкой кушеткой? Или только это розовое чудовище? – она постучала ладонью по дивану.

– Да-да, – подскочила девушка, – конечно. Я вас сейчас проведу.

– Отлично! – хлопнула в ладоши Лёля. – Давайте, я расплачусь сразу, а потом ведите. Я подремлю пока, в ожидании вашей прекрасной девы. Не с вами же тут сидеть. И принесите вина. Красное. Сухое. Бокала будет достаточно.

– Франция, Испания?

– Да упаси Господи. Даже если у вас есть что-то приличное, пить его здесь, в таких условиях – чистый моветон. Несите Южную Африку, Чили, Австралию – если есть. Лучше Южную Африку. И ягод каких-нибудь свежих к нему.

Через несколько минут она блаженно вытянулась на кушетке. Не мягкой, конечно же, но приемлемой... для массажа. Африки, увы, у них не оказалось, нашлось чилийское, тоже вполне себе приличное. Она тихонько отпивала по глоточку. В райских закромах нашлись малина и ежевика. Ежевику Лёля велела принести с вином, а малину потребовала оставить на пять утра, к кофе и круассанам. Жизнь становилась воистину прекрасна. Оставалось только постараться не заснуть и дожидаться Глашу.

Когда через час Лёля уже почти спала, дверь открылась и в кабинет вошла высокая девушка, статная, широкобёдрая, с очень белой кожей и яркими, фиалкового цвета глазами. Их разрез был необычным, как говорят иногда, «русалочьим», удлинённым, с внешними уголками чуть приподнятыми к вискам. Соболиные брови разнились – одна лежала ровно, другая, заломленная, была приподнята, будто в удивлении. Тонкий, изящной лепки нос и красивый рот с очень пухлой нижней губой. Присмотревшись, вы понимали, что нижняя эта губа увеличена искусственно. Контраст смущал настолько, что в первое мгновение хотелось отвернуться – как от уродства. Но дальше, эта диспропорция начинала удерживать взгляд, она тревожила и возбуждала. Тёмные косы, уложенные вокруг головы, свитые из толстых, небрежно закрученных прядей, давали тот же эффект. Припухшая, словно от укусов, губа, встрёпанные волосы, всё работало на один и тот же образ, за всем виделось одно и то же – ласки, экстаз, оргазм. «Возьми меня». Это был почти приказ.

На девушке был надет полупрозрачный халатик, под ним чётко просматривались белые трусы и лифчик, гладкие, без кружев и ленточек. ДИМ-овский стиль спортивного минимализма в данном случае выглядел гораздо сексуальнее, чем навороченное эротическое бельё, принятое у стриптизёрш.

Лёля с трудом разлепила ресницы. Девушка приблизилась, их взгляды встретились. Лёля улыбнулась. Глаша – а это была она – замерла на мгновение, потом сделала произвольное движение к выходу из кабинета, и вновь остановилась.

– Угомонись, – тихо произнесла Лёля. – Иди сюда. Я не кусаюсь. – Она обвела глазами помещение. – Камеры есть?

– Только видео. Звук не пишут.

– Ну да. Тут же ничего интересного, наверное. Разве что сплетни, но это вы и сами расскажете, если что.

Глаша усмехнулась.

– Ну, что-то в этом роде. А вам зачем?

– Ну, ты же не думаешь, что я пришла на массаж?

– А зачем вы пришли?

– Мимо ехала. Хотела найти место поспать не за рулём, до утра. И ещё жалела, что тебя не увидела. Не поговорила.

– О чем?

– О маме твоей хотела.

Глаша помрачнела.

– Нечего тут говорить.

– Она попросила меня о тебе позаботиться. Я волнуюсь. Мне не понравился этот визит.

Глаша присела на кушетку рядом с Лелей, положила руки ей на плечи.

– Я видела ваш заказ. Давайте так. Я сделаю вам массаж. Я хорошо делаю. И вы потом поспите. После моих рук будете спать лучше. А в пять я вас разбужу. Если оплатите ещё час моего времени – я с вами позавтракаю. И поговорим. Сейчас не получится. Они всё время смотрят камеры. Будет что-то непривычное – будут вопросы. Мне это не нужно.

– Ну да. Я уеду, а тебе тут жить. Хорошо. Давай.

Аля была права. Руки у Глаши были просто волшебные. От них шло тепло, от них шла уверенность. Лёля даже не заметила, как сон смежил ей веки. Во сне сильный ветер поднял её на крылья, вокруг искрилась прозрачная ледяная синева, а земля была далеко внизу. Многоцветье трав и белые шапки гор бесконечным ковром стелились под её ногами, а она была свободна и вольна лететь, куда ей хотелось. Но ей хотелось просто парить и просто смотреть по сторонам.

А потом ласковые руки ветра опустили её на землю, она свернулась комочком на траве, и тут бархатный, глубокий голос позвал её. Она не разобрала слов, но поняла, что ей пора.

И проснулась.

Глаша улыбнулась и протянула ей ключик с розовым кубиком-брелком.

– Направо по коридору. Там туалет и душ. И вот халат, дойти.

Лёля потянулась сладко.

– Такой же, как был у тебя вчера?

– Нет. Этот махровый, обычный. Мой – эксклюзив. Его, знаете ли, ещё заработать надо!

– Тогда, боюсь, мне он не светит. Я уже вышла из призывного возраста.

– Да, тётя. Сознаться, что удача не на вашей стороне!

– Признаю. – Лёля скорчила сокрушённое лицо. – Кстати, а почему ты не в нём? Он тебе очень к лицу.

– Ну, мы же в кафе сейчас пойдём. Он там не комильфо. Да ещё и с утра.

– А у вас тут по утрам всё приличное?

– У нас всегда всё приличное. И ничего личного. Только бизнес.

– Терпеть не могу эту поговорку. Бизнес без лица – это монстр, Глашенька. А в вашем случае и вовсе – оксимюрон.

– Ну, здесь это – стиль жизни. Точнее – иконостас.

– Ты хочешь сказать, что сильно рискуешь?

– Если они пишут звук, то да. Если нет – выкручусь. Не берите в голову, тётя. Идите в душ. Я буду ждать вас в кафе.

– Вот падла, – с чувством произнес бритый атлет в строгом костюме и лаковых штиблетах. Штиблеты были с закосом под ретро, чёрные с белыми носами, костюм сидел как вторая кожа, цветастая шёлковая рубашка длинными кончиками воротника свободно разлеглась на плечах. Атлет был хорош собой – мощные плечи, глаза цвета горького шоколада, опущённые длинными, девичьими ресницами. – Вот, сука, смотри, дообзывается щас...

Красивая женская рука змеёй скользнула по рукаву пиджака, потрепала бритую голову – так треплют злого охранного пса в награду за послушание.

– Костик, уймись. Она всё правильно сказала.

Костик непонимающе уставился на женщину, сидевшую перед компьютером, на монитор которого были выведены камеры наблюдения. Сейчас на экране крупным планом был дан массажный кабинет, из которого только что вышли Лёля и Глаша.

– Не понял... – растерянно протянул он.

– И понимать нечего, – пожала плечами женщина. – Оксимюрон – это греческое слово. Обозначает понятие или ситуацию или фразу – не важно что, что угодно, но в чём содержится внутреннее противоречие. Понял?

– Эээ... яяя... – только и смог выдавить из себя бритоголовый.

Женщина расхохоталась громко, по-детски:

– Э, Ю, Я...! Букву Ю забыл назвать.

И добавила, дразнясь как девчонка:

– Тоже мне, грамотей! А ещё костюм надел!

И снова засмеялась.

Костик насупился.

– Смеётесь... знаете же, что у меня семь классов только... Нечестно...

– А ты – честный? Ты здесь что, честными делами занимаешься? Ладно, не бычь. Объясняю на пальцах. Вот смотри, я тебе говорю – «у нас тут прям звенящая такая тишина». Ты понимаешь, о чём речь? Ну, сечёшь, что это такое, почему я так сказала?

Костик нахмурил лоб.

– Ну, секу. Это значит, тихо очень. Так, что ты её прям чувствуешь, эту тишину. Она прям как комар в ухе звенит.

– О! Молодец! А теперь ответь – разве тишина может звенеть? И вообще как-то звучать? Она же тишина.

– Не может. Но...

– Вот. Это и есть оксиморон. Словосочетание «звонящая тишина» содержит в себе противоречие. И это противоречие называется греческим словом оксиморон. Таким же противоречием будут – оглушительная тишина, живой труп, жаркий лёд, горячий снег и так далее.... Понял?

Костик облегченно вздохнул.

– Понял. А мы тут причём? Ну, почему она про нас так сказала? И почему это правильно?

– Сам подумай. Наш стиль жизни – ничего личного. Потому что это бизнес. Но это же наш бизнес, нет?

– Ну... да.

– А мы разве не личности? И потом, наш бизнес на чём построен? Косметология, причёски, ногти, массаж – для кого это всё?

– Ну... для клиента.

– А клиент – это кто?

Костик молчал.

– Клиент, Костенька, это – личность. Понимаешь? А у личности не может быть неличного, у неё всё – личное. И то, что в задних комнатах случается – тоже случается между личностями. И согласись, несмотря на камеры и зрителей – это ведь всё равно очень личное. Поэтому и стоит таких денег. Правильно? Или нет?

– Ну... да.

– Ну вот. То есть, другими словами, мы про наш бизнес, который насквозь личный, и построен на личностях, на их интересах и желаниях, заявляем, что это просто бизнес, в котором нет ничего личного. И требуем, чтобы всё личное у работников салона оставалось за порогом. А лучше, чтобы его вообще не было. А если оно появляется – мы этих работников наказываем. За нарушение правил. То есть, мы требуем, чтобы не было ничего личного там, где это невозможно в принципе. Там, где бизнес построен на самом глубоко личном, интимном. Поэтому она так про нас и сказала.

– А что, мы не так что-то делаем?

– Нет, Костенька, мы всё правильно делаем. Потому что мы не хотим навредить ни личным делам клиентов, ни лично себе. И если мы не будем так делать, то может случиться что-нибудь неприятное – падение доходов, например. И наших, и там, повыше, – она ткнула пальцем в потолок. – А если упадут доходы, или, упаси Боже, информация какая-то уйдёт, куда не надо, тогда...

– Мы будем списаны в расходы, – в тон ей промурлыкал зашедший в кабинет мужчина в деловом костюме, строгость которого оттенялась ярко-синим широким галстуком, похожим на шейный платок. – Выйди, парень, сделай милость.

Бритоголовый насупил, покосился на собеседницу. Та повела глазами в сторону двери, как бы подтверждая приказ, и атлет покорно вышел из кабинета. Мужчина проследил за ним взглядом и повернулся к женщине.

– Вы не пугайте так парня, Зочка. Эта дама для Глаши – нечто вроде тётки, родственница по мужу, если можно так выразиться; она замужем за бывшим супругом Глашиной матери. Живёт в другом городе. Здесь и впрямь случайно, нам уже пробили номерок. И машинный, и телефонный. Приезжала в гости, одним днём. Может, им что-то обсудить нужно было, у матери со здоровьем, сами знаете...

– Знаю, – женщина помрачнела, словно вспомнила что-то нехорошее.

– Ну вот, – вошедший взял со стола чашку, повертел в руках, поставил. На безымянном пальце сверкнул тяжёлый золотой перстень. – Вы Глашу тогда поддерживали, когда она первый

раз нарушила правила. И она отделалась только разговором. Да, неприятным, но её и пальцем не тронули. Вы настояли. Но сейчас ей вклеить – обязательно. За самоуправство. Потому что, а – рецидив, и бэ – последнее китайское, на будущее. Я не сторонник тяжких последствий, но надо, чтобы дошло, что «вэ» уже не будет. Она тут любимица общая – поэтому её и заносит... иногда. Но мы ведь все такие, разве нет?

Он прищурился. Женщина помрачнела.

– Спасибо, что напомнил. Поговорю с ней, если позволишь. Надеюсь, это я заслужила?

Она встала, резко отшвырнула стул и направилась к двери.

– Не злись, девочка, – усмехнулся ей в спину вошедший. – Это ты заслужила. Ты ведь выучила свой урок с первого раза. Просто помоги ей остановиться.

Когда Лёля вошла в кофейню на первом этаже, налево от ресепшн, Глаша уже сидела у окна, за маленьким круглым столиком на толстой витой ноге-треноге. Столешница была сделана под оникс, кремово-коричневый, как пенка от капуччино, с ржаво-золотистыми прожилками. Окно с непрозрачными толстыми стеклами ярко-голубого оттенка, удивительным образом гармонировало с основными цветами – белым, оранжевым и шоколадным. Но если белый не имел переходов, а шоколад был, однозначно, тёмным, то оранжевый варьировался от цвета сочной хурмы и вырви-глаз-апельсинового, до багряно-охряных оттенков опавших листьев. Даже и в эту рань несколько столов были накрыты, словно для банкета. Салфетки около приборов были льняными, и не белыми, а природного оттенка – серовато-золотистыми; тот же оттенок сохранялся в ложках, ножах и вилках – цвет полустершейся позолоты. Стаканы для воды походили на сталактиты и казались выточенными из камня, потому что сделаны были из стекла, схожего с оконным – такие же голубые и непрозрачные; бокалы под вино и стопки под водку, напротив, были словно слеплены из снежинок. Их стекло было обычным, но резьба покрывала его так густо, что казалось, узоры просто висят в воздухе, как паутина.

«На заказ делали, – мелькнуло у Лёли. – Всё на заказ. Явно. Здесь кто-то очень от души потрудились. Не просто за бабки, а именно душу вложил. Классно. Узнать бы кто. Я бы к себе такого человечка взяла с наслаждением. Мне такого умельца очень не хватает».

Завтрак ждал её на столе. Глаша взяла себе только кофе.

– Возьми рогалик, – предложила Лёля, садясь напротив. – Голодная ведь.

– Переживу, – отмахнулась девушка. – Лучше поговорим. Время не ждёт. Вы хотели меня видеть? Зачем? И причём тут мама?

– Я поклялась ей позаботиться о тебе. Если что.

– Что – если что?

– Не знаю. Она не сказала. Сказала – если что, позаботься. Не отец, не Вадик. Ты. То есть, я. Я поклялась. Вот на этом.

Она вытащила крестик из-за воротника. Глаша расширила глаза.

– Какой странный.

– Он очень старый, Гланя. Очень. Он уж стёртый весь. Но ... работает...

Глаша подалась вперед, стараясь разглядеть крест поближе. Лёля тут же убрала его под свитер.

– Бойтесь, что руками хватать буду? – вспылила девушка. – Даже и не собиралась.

Лёля виновато наклонила голову.

– Прости, Гланя. Я его никому близко не показываю. Он свет не любит. И глаз не любит. Но – работает, как я уже сказала. Согревает иногда. В прямом смысле. И если на нём поклясться – всё получается. Ну, если, конечно, ты делаешь то, что обещано.

– А если не делаешь?

– Тогда тебе прилетает, да так, что мама не горюй. Мне одного раза хватило, ещё в молодости. И надела я его тогда из понтов, и пообещала – тоже, для блезиру. Ну и получила. До сих пор вспоминать жутко. Мурашки по спине.

– Расскажите как-нибудь?

– Как-нибудь расскажу. Как получится. – Лёля усмехнулась, а за ней заулыбалась и Глаша, оценивая игру слов. – А теперь давай мне свой телефон, в смысле номер, и обещай, что будешь звонить – хотя бы раз в месяц. Контрольно. И если что-то случится с мамой – наберёшь меня незамедлительно. И если с тобой – тоже.

– Всё будет хорошо, тётя Лёля. Не переживайте. Мама хандрит просто.

– За тебя переживает, если точнее.

– А я – за неё. Тётя Лёль, мне надо идти. Вы мне вот здесь адрес почтовый напишите. Я вам лучше письмо пришлю. Словами долго. Здесь – нельзя, а выйти мне сейчас никак, да и вам ехать надо. Я вам напишу лучше. И адрес дайте такой, чтобы ни отцу, ни брату письмо на глаза не попало. Не хочу.

– Вот и Аля туда же. Ты позаботься, а им – ни слова. Тогда пиши мне до востребования.

Лёля взяла протянутый ей крошечный блокнотик, написала свой номер телефона, адрес почты. Потом вырвала чистый листочек, нацелилась ручкой:

– Слушаю. Твой номер.

Глаша продиктовала семь цифр. Лёля подняла глаза изумлённо. Глаша ткнула ноготком в номер Лёли.

– Тот же? – переспросила Лёля, имея в виду код сотового оператора.

Глаша кивнула.

– Тётя Лёль, я хочу попросить вас. Поклянитесь и мне. На крестике вашем. Если что – вы маму не оставите. Вы ей помогать будете. И никогда ни отцу, ни Вадиму слова не скажете. Если только сами вспомнят и спросят. Или предложат помочь. Но и тогда – не подпускайте их к ней пожалуйста! Обещайте мне.

– Что? Что это значит, Глаша?

– Не спрашивайте. Просто пообещайте. Так надо. Все под Богом ходим – так мама сказала. Так и есть. Обещайте мне.

– Но...

– Вы из письма всё узнаете. Я напишу.

Лёля хотела ещё что-то спросить, но кожу на груди начало жечь вдруг, как огнём. Это крестик давал о себе знать. Он не хотел расспросов, он просто хотел дать слово. И она покорно потянула его наверх.

И так же, как несколько часов назад, вытащив, приблизила его к губам и выдохом-шёпотом произнесла:

– Клянусь рабе Божьей Глафире, что не оставлю её мать, рабу Божью, Алевтину, без помощи и призора. Всем, чем смогу, помогу. Всё, что смогу – сделаю. Даю в том слово. Клянусь.

Глаша легко поднялась из-за стола, сжала руку Лёли:

– Помните, вы обещали. Я очень хочу вам верить.

– Это взаимно, девочка. Иди. Я допью кофе и тоже пойду. Пора ехать.

Глаша повернулась, чтобы уйти, но тут Лёля остановила её.

– Один вопрос. Ты не знаешь, кто у вас здесь всё это делал? Я имею в виду дизайн кафе.

– Я не могу ответить на ваш вопрос.

– Не можешь или не знаешь?

– Я не могу...

– Я могу.

Лёля вскинула глаза, Глаша, сильно вздрогнув, обернулась. У неё за спиной стояла женщина, дорого и со вкусом одетая. Ровная спина, горделиво посаженная голова, красивые руки. И ледяная улыбка.

– Глаша, иди в мой кабинет. Подожди там.

– Но у меня сейчас...

– В кабинет. Сейчас. И жди. Понятно?

Глаша скользнула к выходу. Лёля пристально смотрела на незнакомку.

– Кто вы?

– А вы?

– Я тётя Глаши.

– Разве?

– Ну, на самом деле, это псевдоним. Я не помню, как называется новая жена бывшего мужа в отношении дочери. Я была представлена ей как тётя Лёля. И намерена ею оставаться. Тем более, что в определённом отношении, это правда. Мы с её матерью действительно сёстры.

Женщина вопросительно вздернула бровь.

– По несчастью, – со смешком пояснила Лёля. – Муж один и тот же, брак – фуфло. Обе спохватились слишком поздно. Но она тянула дольше, и плюсотягчающие обстоятельства – дети есть, хватки нет. У меня случилось наоборот. Поэтому я здесь, она – на съёмной квартире, а дочь её – здесь, у вас. А вы, кстати, кто?

– А я директор этого салона.

– Ах!

Лёля скорчила очень выразительную гримасу.

– Не обижайте Глашу из-за меня. Я не планировала никаких дворцовых переворотов. Я просто искала место подремать чуток перед дорогой. Но когда меня тут за углом чуть не снёс «Чероки», я подумала, что стою у частного дома и решила отъехать. Проехала вперёд, и увидела вывеску. Название салона я знала, знала, что Глаша тут работает. Решила заехать – совместить приятное с полезным. О вас в интернете отличные отзывы. И о кофе, и о массаже, и о мастерах.

– Глаша должна была стать приятным или полезным?

– Полезным должна была стать информация о том, где можно в радиусе пары километров поспать до утра и нельзя ли прямо здесь. Глаша была лишь возможным бонусом, очень неверным, к слову. Мне повезло трижды. Я получила место для ночлега, встречу с Глашей, и массаж. Если вы скажете, кто вам делал дизайн этого кафе – мне повезет четырежды. Ах, нет, больше. Четырежды – это ночлег, Глаша, массаж и дизайн кафе. Мне бы ещё имя дизайнера.

– Это я. Теперь у вас пять звёзд.

– Одна из них – безымянная. Вы.

– Зоя Михайловна. Можно просто Зоя.

– Мне приятно наше знакомство, но вы меня расстроили.

– Чем?

– У меня нет шансов соблазнить вас хорошей зарплатой.

– В данный момент – да.

– Но мир меняется...

– ... и всё возможно. Уезжайте. Скоро семь, народ поедет на работу, опять начнутся пробки.

– Вы правы, Зоя. Не обижайте Глашу.

– Почему вы это сказали?

– Потому что слышала, как вы её в кабинет отправили. Я дала слово её матери присматривать за ней. На кресте поклялась. Мне бы не хотелось начинать это прямо сейчас, потому что прямо сейчас мне очень нужно домой.

– Поезжайте. Мне нравится Глаша. И я не причиню ей зла больше необходимого. Ровной вам дороги.

Она развернулась и в мгновение ока исчезла за дверью невдалеке от столика, на которой висела табличка «STUFF ONLY» – «Только для персонала».

Лёля постояла, сосредоточенно глядя в окно, за которым не было ничего, кроме нежно-голубого сияния, подхватила сумку и пошла к выходу. Она всё равно ничего больше сделать сейчас не могла. Надо было ехать. Ещё час – и Олег начнет трезвонить. Нет, ей и в самом деле пора.

Она расплатилась на ресепшн за дополнительное время. Девушка, уже другая, рыжая в веснушках, но в таком же халатике и с шарфиком на груди, улыбаясь, проводила её до двери. Увидев «Чероки» на том же месте, рядом со своей машиной, Лёля дернула девушку за рукав.

– Простите, а чья это машина?

Легенда была наготове. Если что – скажу, что купить хочу. Желала бы поговорить с хозяином.

Но девушка даже глазом не моргнула.

– Это Зои Михайловны машина, – и пояснила, – она директор салона.

– Спасибо, – церемонно подняла ладошку Лёля. – Хорошего дня.

– Взаимно. Приезжайте ещё. Мы всегда вам рады.

И девушка захлопнула тяжёлую дверь, оставив Лёльку в утренней морозной темноте, подсвеченной вывеской и огнями фонарей.

«Рай на окраине» подмигивал ей на прощанье. Лёля подмигнула ему в ответ, отъезжая.

– Мы ещё встретимся... мы обязательно встретимся, – процитировала она любимый с детства фильм, лихо разворачиваясь на парковке. Ворота открылись, она была на свободе и вольна ехать, куда хотела.

Ей хотелось домой. Там ждало её чудесное платье, туфли и шарфик. Тёплый дом, нервный Олег, меланхоличный Вадик. Куча гостей, суета, и память о тех, кто остался здесь. И тяжесть данных ею обещаний, которые следует исполнять.

5. Зоя, Марк и Катя. Истории семьи

Зоя Михайловна в действительности не была Зоей Михайловной. Она была Зои Мехлебовна, имя её не склонялось по падежам. Но поскольку жила её семья не в Аравии, Египте или Израиле, а здесь, в России, то сначала она из Зои (не склоняется) стала привычной всем Зоей, а потом из Мехлебовны – Михайловной. В паспорте, разумеется, оставалось так, как назвали при рождении и как было записано в метрике, но паспорт – это одно, а жизнь – совсем другое, и скоро она сама, протягивая ладошку, заученно произносила «Очень приятно, я – Зоя Михайловна!». Может быть, где-то, поближе к столице, этого не потребовалось бы, но тут, в провинции, лучше было никого не шокировать. От ближневосточных предков Зое перепали бесконечное терпение, наблюдательность, вдумчивость и чувство стиля – лаконично-строгое, но при этом всё равно слегка вычурное и витиеватое. Она пришла в салон как дизайнер, кафе как раз и было частью того заказа, после которого поступило предложение остаться.

Зоя прошла хорошую школу. Окончив институт, она долго неприкаянно слонялась по агентствам. Там она сидела на телефонах, обзванивая клиентов, носилась по типографиям и готовила реквизит для съёмок. Она искала натуру, варила всем кофе и раскладывала «очень нужные всем» бумажки по папкам, куда в итоге лазила потом одна она, потому что остальные предпочитали не усваивать заведенный ею порядок сортировки и распределения, а просто требовать у неё то, что им было необходимо в данный момент.

Потом она попала в группу рекламщиков, которые занимались полиграфическими дизайн-макетами и тут осела надолго. Тут было сложно, нервно, но очень интересно. А главное, здесь Зоя нашла себе наставника, точнее, наставницу – сорокалетнюю Алису, маленькую, круглолицую женщину с вечно припухшими глазами-щелочками. Алиса жила с одним из айтишников, любила выпить, курила, ругалась заковыристо матом и делала офигенные макеты. Она ненавидела своё имя, потому что не походила ни на одну из классических Алис – ни на Лису из «Буратино», ни на Селезнёву, из романов Кира Булычёва. И с Алисой из песни группы «Аквариум» у неё тоже не было ничего общего. Но вариант Алиска ей нравился, может быть, потому что в детстве её дразнили Алиска-Ириска, а своё детство она любила, и часто говорила, что это были самые лучшие годы её жизни. Потом пришли лихие девяностые и счастье кончилось.

Макеты Алиски были просты как пять копеек, контрастны по цветам, лаконичны – и раздражающе привлекательны. Она, в отличие от коллег, никогда не сердилась, если ей говорили, что, мол, не устраивает. Она только просила сказать что именно, и уходила в свой закуток. Проходил час, и на стол критикам ложились пять-шесть новых версий. Парадоксально, но факт – в итоге, чаще всего, выбирался первый, зарубленный было вариант.

Зоя долго пыталась разгадать секрет Алискиных шедевров. Они противоречили всему, чему её учили в институте, но давали ровно тот эффект, который был необходим, эффект вовлечённости. Ты хотел стать участником того, что происходит. Тебе было нужно туда, сейчас, здесь, сразу. Всё было лишним, кроме этого желания. Только оно одно и было важно. Как так выходило, Зоя не понимала. Она долго считала это мистикой – вслед за всеми прочими – пока Алиса не открыла ей тайну.

Оказалось, что в самом начале своей карьеры дизайнера печатной продукции, в те самые девяностые, Алиса какое-то время проработала в подпольной конторе, выпускавшей порнографические журналы. Там креативной команде представлялась полная свобода – но с двумя условиями: а – результат, и бэ – быстро. При этом результат должен был сшибать с ног. Безоговорочно. И не через пять минут, а сразу. И делать тоже нужно было сразу. И быть готовым немедленно всё поменять, если что-то вдруг шло не так. Никаких стилей, правил, подборок

цветовых гамм, рассуждений о психологии – только результат, как удар под дых, неоспоримый и незамедлительный.

Школа, с точки зрения морали, была более чем спорной, но учила всерьёз, и Алиса часто повторяла, что благодарна своим учителям. А Зоя, усердно перенимавшая все фишки и секреты, испытывала те же чувства по отношению к Алиске, и была внимательной ученицей, очень талантливой и вдумчивой. А ещё Зоя была великолепным организатором. Она была человеком, который думает «с конца», и это был редкий дар. Люди специально учатся этому – на тренингах, на коучингах, поглощая кучу литературы, а у неё он был врождённым. И открыла ей глаза на саму себя именно Алиска.

– Ты – человек-бритва, – сказала она ей. – Отсекаешь ненужное, выявляешь неправильное. Ты не знаешь как надо, но видишь, как не надо. И у тебя нет рук. Понимаешь?

Зоя посмотрела на свои руки. Алиска засмеялась.

– Люди делятся на творцов, ремесленников и бездарей. Ты – творец. Но не ремесленник. Иногда это совпадает, но чаще – нет. Микеланджело говорил, что, создавая статую, он просто берет глыбу и отсекает лишнее. Вот у него – совпадало. Он видел, и он же и отсекал. А у тебя – ты видишь, а отсечь не можешь, потому что руки тебе не даны. И не потому, что ты не можешь научиться, а потому что тебе неинтересна вся эта мелкая моторика, я же вижу. Тебе скучно. В современном мире дизайн это скорее сопромат, чем колористика. Это математика и компьютер. А тебе это неинтересно. Ты всё время норовишь через эту кропотливую мелочёвку перепрыгнуть. Ты – сокол, а не жук-ползун. В твоём варианте Микеланджело видит статую, но, чтобы отсечь лишнее, он должен протелепатировать другим, тем, которые с лобзиком. Вот они – придут и отпилят, а он проконтролирует глубину отреза, скорость исполнения работы, и начислит зарплату. В нашей сфере такой человек называется креативным директором. Он придумывает проекты, распределяет задания и проверяет выполнение. Вот здесь твой талант видеть, как не надо – очень в жилу. Ибо это упорядочивание хаоса. Администрирование, другими словами. Дар редкий, но в обычной жизни приводит к успеху ещё реже, чем встречается. Потому что в обычной жизни делать карьеру можно, только совершенствуя и демонстрируя как раз то, чего ты не умеешь – технические навыки.

– Кажется, я понимаю. Нельзя сразу прийти и стать директором.

– Точняк. Поэтому стандартный путь к успеху – не для тебя.

– И что мне делать?

– Ждать своего часа. А пока ждёшь, делать то, что тебя интересует – другими словами, просто жить и просто работать. И учиться. Всему, что попадает тебе на пути, всему, что судьба выкинет тебе на берег. Впитывать этот мир в себя и ждать, пока придёт час, и ты сможешь начать отдавать долг. И если ты будешь последовательна, и не будешь роптать, он обязательно придёт.

– А как я узнаю его, этот час?

– С ним придет тот, кто тебе поможет. Не переживай. Ты обязательно поймёшь, когда это случится. Ты, главное, прими то, что придёт. Не отказывайся. Помни, что прямые пути – большая редкость в нашей жизни. Наши дороги гораздо чаще лежат в тени, чем греются на солнце.

И Зоя успокоилась. Просто работала, просто училась, просто жила. Вышла замуж, родила сына. Постепенно осваивала технические премудрости дизайна, и когда хотелось что-то изменить – меняла одно рекламное агентство на другое. С Алиской связи не теряла, они очень сдружились – к счастью, ибо характер у Зои был жёсткий, язык – острый, и потому с подружками ей катастрофически не везло.

Первый заказ на самостоятельную работу пришёл к ней как раз через Алиску, и пришёл очень вовремя. Зоя собиралась рожать второго. Её муж, Николай, сидел временно без работы. Автомастерская, куда его должны были взять, всё никак не могла открыться, что-то там было с арендой, какая-то волокита, идти в другое место не хотелось, да и не отпускали его, уговари-

вали, просили посидеть ещё, подождать, сейчас, мол, вот-вот. Он и сидел, ждал. Изредка подхалтуривал, когда срасталось, но срасталось нечасто. Все деньги, которые зарабатывала Зоя, шли только на хозяйство, на себя у неё денег не было совсем. А так хотелось – и новые туфли, и шляпку. И ещё в салон – прическа, макияж, массаж. Губы, ногти, брови. И кофе. А ещё сауну, или хамам. И чтобы целый день нежиться. Всех послать к дьяволу, и нежиться лениво, отдавая себя чужим рукам. И вернуться домой обновлённой. А ещё лучше, тут же в этом салоне, чтобы были небольшие номера, где можно было бы просто поспать. Без мужа, без детей. Одной, самой, в тишине и покое.

Господи, где же найти такое место, где это всё было бы в одном флаконе?! Но такого места не было, и она тщательно выдумывала его для себя.

Она буквально грезилась им. Она видела его перед собой. Его стены, драпировки на окнах, убранство кафе, кушетки в массажных кабинетах, мраморные полы в хамаме, и причудливые вазы с цветами в коридорах. Место, где можно было остаться наедине с собой, а утром позавтракать плотно и поехать на работу. Или, если наутро выходной, то не спеша выпить кофе с круассанами, вызвать такси и отправиться в центр города. Прошвырнуться по большим торговым центрам и маленьким магазинчикам, купить что-нибудь очаровательно-ненужное, или наоборот, найти то, чего давно хотелось, и вернуться домой к вечеру. Переодеться в уютный халат и сесть у телевизора с бокалом вина и горсткой изюма с орехами.

Она была уверена, что нечто вроде этого придуманного ею «Рая» категорически необходимо здесь, в этом мире, где, чтобы сохранить рассудок, люди должны хоть иногда оставаться наедине с собой. Ведь именно ради этого, в действительности, мы и планируем отпуск каждый год. Но, если мы не одиноки, то мы вынуждены брать с собой семью. А как иначе? Попробуй, предложи им поехать отдельно – такое начнется! Не свои, так чужие съедят – коллеги, друзья, родственники, соседи. Впрочем, даже такая смена обстановки – это раз в год только. А по-хорошему, нужно чаще. Хотя бы раз в месяц, ну хорошо, в два, в три. Но раз в полгода – точно, вот кровь из носу, надо. У человека должно быть личное пространство, оно ему необходимо. Иначе психика начинает ломаться. Нужно отрешаться – и от людей, и от проблем. И от дальних, и от близких. Иначе – никак.

Действительно, парадокс! В мире, где градус виртуальности нарастает так стремительно, что люди скоро разучатся друг с другом знакомиться и разговаривать; в мире соцсетей, куда можно прийти, обхамить самым мерзким способом и уйти, не получив по морде, уйти безнаказанным; в этом мире, истерящем насчет прав личности – личного у людей почти не осталось, оно было уже почти мифом, недостижимой целью и легендой. Личные отношения с появлением интернета из личных стали публичными, а дом человеческий, бывший некогда крепостью и убежищем, разросся и стал открыт всем ветрам и взглядам. И всё, что осталось на долю каждой отдельной личности – это вселенская тоска и мечта по уединению. И, может быть, это и лежало в основе, или усиливало стремительно восходящую моду на интровертность, виртуальность и бездетность – как знать? Возможно, этот деструктив был просто криком отчаяния: этакое «вы что не видите, мне плохо, отойдите все!» Может быть, в глазах юных мир был таков, что они не хотели в нём быть. Они не желали ни к кому привязываться и не желали, чтобы их дети приходили в мир, что рисковал стать ещё хуже, потому что у них, их родителей, не было ни сил, ни желания его менять. Но одиночество требует мужества, давно утерянного изнеженными детьми прогресса и потому, вращаясь среди собственных отражений в кривых зеркалах соцсетей, они оказывались лицом к лицу со своей мечтой, будучи совершенно к ней не готовыми. И она разрушала их, как волна – песчаные замки. Они ещё умели хотеть, но уже не знали, что такое мечтать. Они все ещё могли жить настоящим, но не видели смысла в том, чего следовало ждать дольше, чем год.

Зое одиночество не светило – ни при каком раскладе. Даже если бы куда-то делся муж, от детей далеко не денешься. И потому, тоскуя по личному пространству и покою, Зоя кон-

струировала свой маленький дворец в уме, отделявала, обставляла его, искала персонал и разбирала воображаемые ссоры и трудовые споры. Она даже название ему придумала – «Рай на окраине». Окраина была с большой буквы, потому что Зое она виделась огромным пустырем, заснеженным или заросшим сухой травой, и он был как позабытая всеми страна, изрезанная рвами и промоинами, страна, где человек исчезал, растворялся и терял себя, если только не находил для себя убежища. И этим убежищем был придуманный ею «Рай».

Тем временем их маленькая двушка, полученная Зоей от родителей, ветшала, денег становилось всё меньше, повседневность вызывала изжогу, а муж, сидя дома, ждал у моря погоды. Она, измученная тяжелой беременностью, опухшая, отёкшая, с черными кругами у глаз, хотела одного – чтобы всё это побыстрее закончилось. Она не знала, какое «это» должно закончиться – беременность, нищета, брак или жизнь сама по себе, она просто хотела, чтобы закончилось всё плохое и началось хоть что-то хорошее, а оно всё никак не приходило. До родов оставался месяц. Николай, так и не вышедший на работу, запил, даже ночевать не приходил, звонил только. Заплетающимся языком молот в трубку какую-то околесицу, жирно чмокал воздух и пропадал с радаров. В обычное время Зоя уже закатила бы истерику, но теперь она лишь крестилась и приговаривала: «И слава Богу! Вернётся, никуда не денется, а не вернётся, так одним нахлебником меньше. Может хоть бельё себе новое куплю. И колготки! Пять пар! Пять!» И растопыривала пальцы перед носом, веером. И трясла рукой, словно давая себе какой-то зарок.

В один из таких вечеров пришла вдруг Алиска. Принесла пирожных, банку кофе и яблоки. И ещё большой волейбольный мяч, новёшенький. Мяч всучила Пете, сыну Зои, и отправила его на улицу.

Сели пить кофе с пирожными. Алиска явно пришла с каким-то предложением, но почему-то отмалчивалась, а Зое спрашивать не хотелось. Наверное, работа какая-то, думала Зоя. Ничего не хочу, и работать не хочу. Деньги нужны до зарезу, но делать сейчас ничего не хочу. Совсем. Хочу только доходить и родить. Вес скинется сразу, отёки спадут, начну шустрить, полегчает. И Кольке скажу – вот, нас теперь и без тебя уже трое. Хочешь с нами жить – ищи работу, а нет – уматывай. И разведусь, ей-Богу, разведусь. Пацанам одна комната – мне другая. И будет у меня свой рай. И буду раз в месяц закрываться от всех. И спать. Целый день. Вставать только поесть и в туалет. И всё. Не читать, не писать, не петь, не рисовать. Ничего не смотреть – просто спать. Или лежать, как амёба, раскинув ложноножки. Звёздочкой. Медузой. Морской звездой.

Отсюда её мысль плавно перекинулась к «звёздной» теме, к знаменитостям, макияжу и массажам, и неожиданно для себя самой она начала рассказывать Алиске про свою мечту, про «Рай на Окраине».

Сбивчивая речь её продлилась часа полтора. Алиска не перебила ни разу. Слушала, как замороженная.

Потом спросила:

– Ты уже кому-то про это рассказывала?

Зоя помотала головой.

– Не рассказывай пока никому, – попросила Алиска. – И вот, возьми.

Она выложила на стол несколько купюр. Зоя дернулась было отодвинуть их прочь, но Алиска хлопнула её по руке.

– Не смей! Это от чистого сердца. Потом отдашь, если для тебя это принципиально. Тебе сейчас нужны деньги. У тебя их нет, у меня есть. В долг даю. Потом вернешь. Бери, иначе дружбе конец. Поняла?

– Поняла, – ответила Зоя. – Спасибо тебе. Про «Рай» – не переживай, не расскажу. Да и некому мне это рассказывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.